

ИСТОРИЧЕСКАЯ

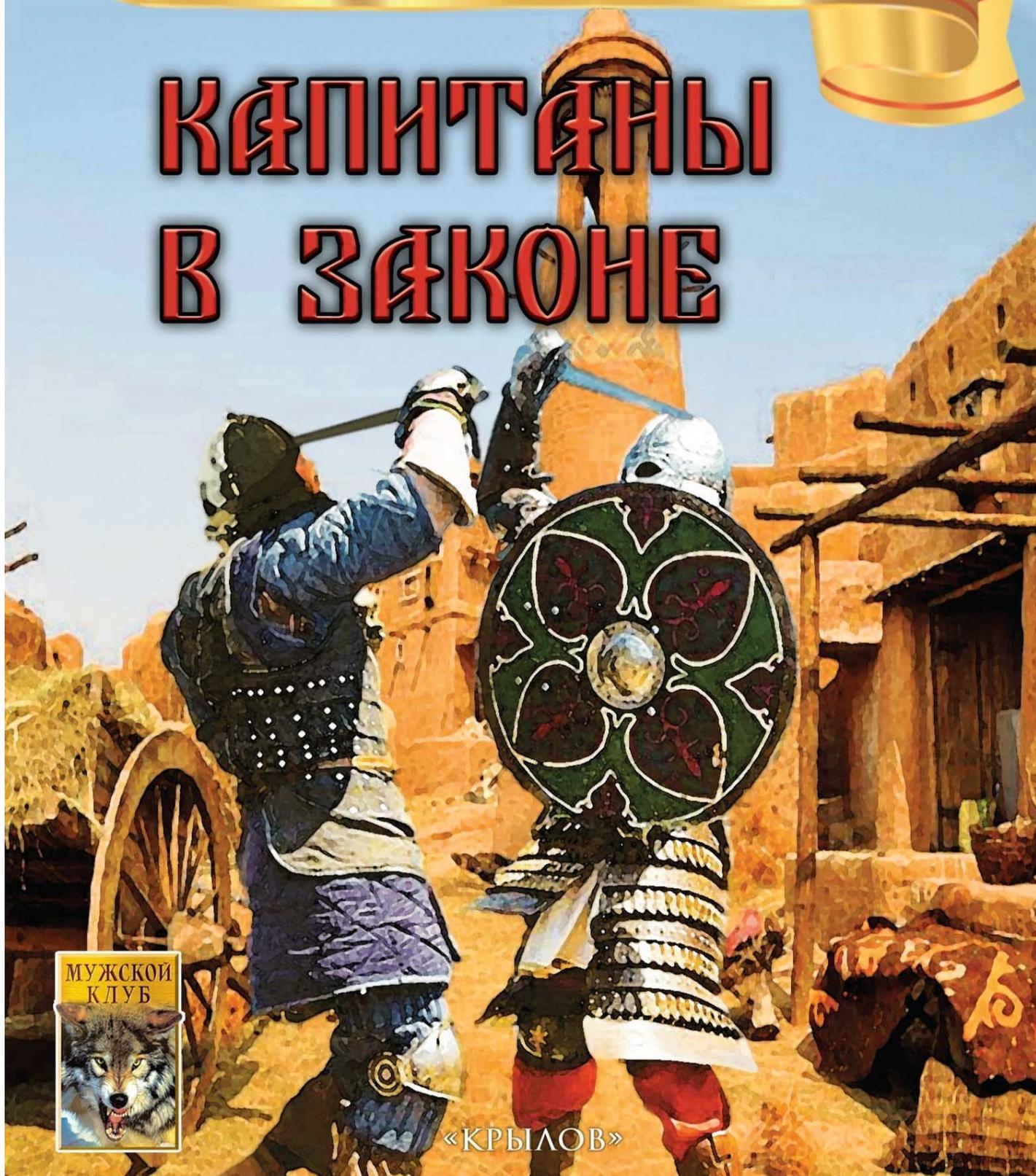

АВАНТЮРА

ВЛАДИСЛАВ ЕВАНЮШИН

КНЯЗЬИ МУШКЕТЕРЫ

**КАПИТАНЫ
В ЗАКОНЕ**

МУЖСКОЙ
КЛУБ

«КРЫЛОВ»

Историческая авантюра (Крылов)

Валерий Елманов

Капитаны в законе

«Крылов»

2018

УДК 84Р1-44
ББК 821.161.1

Елманов В. И.

Капитаны в законе / В. И. Елманов — «Крылов»,
2018 — (Историческая авантюра (Крылов))

ISBN 978-5-4226-0311-4

Два российских капитана полиции, угодившие в XIV век, попали на службу к тверскому князю Михаилу Ярославину. И оказались в самой гуще борьбы Москвы с Тверью за великое княжение. Московский князь Юрий Данилович в борьбе за власть не гнушается ничем, включая любую подлость. Против таких методов справедливость и правда бессильны. К тому же на стороне Юрия – хан Орды Узбек. Михаилу Ярославичу грозит смертная казнь. И тогда вступают в игру капитаны. Задача непростая: выручить своего князя, скомпрометировать Юрия и устроить первый крупномасштабный разгром Орды. Они знают – в случае неудачи не сносить им голов. Однако операм не привыкать ходить по лезвию ножа. К тому же риск – благородное дело. Особенно если он – ради благородного дела...

УДК 84Р1-44
ББК 821.161.1

ISBN 978-5-4226-0311-4

© Елманов В. И., 2018
© Крылов, 2018

Содержание

Пролог. Псковская осечка	5
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	47
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валерий Елманов

Капитаны в законе

Всем истинным патриотам Великой России посвящается...

Пролог. Псковская осечка

– Мда-а, Раскольников проснулся и сладко потянулся за топором, – уныло констатировал Петр Сангре – стройный синеглазый брюнет лет двадцати восьми, печально глядя на тело убитого человека, раскинувшееся на полу небольшой клетушки в неприметной серой бревенчатой постройке.

Мелькнула было мысль, что произошла ошибка, и зарезанный вовсе не купец Черногуз, за которым Петр вместе со своим другом-побратимом Уланом Булановым прикатил во Псков. Однако, прищурившись, он подметил крохотный, с полвершка¹, шрамик, начинающийся подле левой брови убитого – примета, подсказанная сотником Азаматом. Вторую примету – здоровенную лохматую шапку из шкуры белого медведя – покойный судорожно зажал скрюченными пальцами правой руки. Убийца сработал качественно – на теле имелась всего одна ножевая рана, но смертельная, в сердце.

– Пойдем, здесь нам больше делать нечего, – потянул Петра за рукав пробившийся через толпу зевак Улан – худощавый калмык примерно тех же лет, что и его друг.

Они направились наружу, осторожно, чтоб не запачкаться, переступая через лужу крови подле порога. Ее источник – лежавший на пороге второй труп – успели перенести, аккуратно положив подле стены, и о недавней трагедии напоминали лишь залитый кровью порог да молодая апрельская трава подле него, ставшая из изумрудной багрово-черной.

– Не запеклась, – кивнул на кровь Улан. – Значит, со времени убийства прошло не больше получаса.

---

¹ Вершок равнялся примерно 4,25 см.

– Да хоть пять минут назад – толку с того, – досадливо отмахнулся Сангре. – Вон сколько путей к отходу. За эти полчаса киллер мог куда угодно исчезнуть. Теперь его ищи-свищи. Ну, пошли?

– А опрос свидетелей? – напомнил Буланов.

– Сдурел?! – недоуменно уставился на друга Петр. – Мы с тобой сейчас в четырнадцатом веке, а не...

– Тсс, – прошипел Улан, кивая в сторону пожилого мужчины, который словоохотливо расписывал толпившимся подле людям, жадно внимавшим его рассказу, как он обнаружил два трупа.

Они незаметно приблизились, прислушиваясь к излагаемым подробностям, а когда мужчина иссяк, Буланов, мастерски подражая обычному любознательному зеваке, принялся задавать вопросы. Довольный, что его продолжают слушать, тот старательно припоминал виденное. Буквально через минуту удалось выяснить имя свидетеля – Огузок, через пять – прояснить, кто он такой и чего приперся на склады, выстроенные для хранения товаров иноземными купцами, а через десять – самое интересное...

– Да Тырон даже имечко убийца оногу успел мне шепнуть перед кончиной.

– Тырон – это лежавший на пороге? – безмятежным голосом уточнил Улан.

– Ну да, – подтвердил Огузок. – Склонился я над ним, а он возьми и шепни. Тока я не уразумел толком – уж больно оно затейливое, то ли Арнуд, то ли Аренд... Немец одним словом.

– И всё? Или еще что-либо успел услышать от убиенного, спаси господь его душу, – Буланов перекрестился.

Спустя пяток минут Улан понял, что ему удалось уцепиться за ниточку. Оставив в покое свидетеля, он отвел друга в сторонку и выпалил:

– Ты понял? Ставлю десять против одного – Аренд не имя. Тырон, чей склад расположен по соседству, признал человека, взявшего помещение в аренду, и пытался о том сказать Огузку. Осталось сыскать основного владельца склада и выяснить, кто и когда последним арендовал его.

– Уверен? – усомнился в выводах друга Петр.

– Если снял давно – скорее всего мимо, но если найм случился на днях – это тот, кто нам нужен. Да и с приказчиком в лавке Черногуза потолковать стоит – возможно, он видел этого кадра, пришедшего к купцу поутру с предложением дешевых товаров. А если их рожи совпадают... Хотя, – Улан помрачнел, – навряд ли дядя остался в городе.

– Лишь бы вычислить кто он, а уж в какую сторону отвалил, мигом узнаем.

– Ага, если повезет. Этих посудин на приколе как муравьев, – кивнул Буланов на городскую пристань. – И неизвестно, сколько поутру отчалили.

Сангре покосился на городскую пристань, где насчитывалось не меньше полусотни ладей, шнеков, шитиков, бус, ушкуев, не считая разной мелочи вроде обычных лодок.

– Утро, – неуверенно возразил он. – Не должно много уйти. И потом, не может же нам постоянно не везти. А с нашими орлами-гребцами мы эту падлу влет догоним – лучше их этому киллеру во всем Пскове не сыскать.

Гребцы их были действительно на загляденье – дюжие, рослые, плечистые. Не мудрено – каждый был воином. Побратимов они сопровождали аж от самой Литвы, откуда друзья месяц назад прикатили в тверское княжество.

Да и насчет лучших жизнерадостный одессит Сангре, вопреки обыкновению, не преувеличил, ибо некуда. Каждый имел косую сажень в плечах и бицепсы, зачастую превосходившие обхватом иную девичью талию. Сын великого кунигаса Литвы Кейстут и впрямь не поскупился, придав друзьям самых-самых.

И он, и его отец Гедимин, провозжая побратимов обратно на Русь, настойчиво предлагали им полусотню воинов, но друзья отказались. К чему, когда у них к тому времени появился и

второй десяток. Им друзей наделил служивший Гедимину городненский князь Давыд – сын знаменитого псковского князя Довмонта. Включал он в себя шестерых славян и четырех ятвягов, и мало в чем не уступал первому, состоящему из жмудинов, литвинов, ятвягов и пруссов. Во всяком случае, в борцовских состязаниях дрегович Кастусь и кривич Штырка валили всех на раз.

Кроме того, имелось у Улана с Петром еще пятеро надежных людей – толмач Яцко, двое телохранителей и два оруженосца. И если говорить о последних, Локис у Сангре вообще стоил целой дюжины воинов. Не зря его имя в переводе с литовского означало «медведь». Да и габариты его брата Вилкаса (волк), состоящего оруженосцем у Улана, также вызывали восторг.

Да и в их верности тоже не приходилось сомневаться. И вовсе не из-за прощального предупреждения Кейстута: «Если их не убережете, и вам головы не сносить». Сын великого кунигаса Литвы слов на ветер не бросал, но воины и без этой угрозы готовы были отдать жизнь за своих командиров, коих обожали, а улыбчивого Сангре и вовсе боготворили. И не столько потому, что именно он вступился за Локиса с Вилкасом, когда им грозила смерть, притом не простая, позорная. Просто давно подмечено – молчуны охотнее всего подчиняются говорунам и наоборот. Петр же неизменно и щедро оделял окружающих россыпями одесских перлов. Разумеется, суровые вояки их не понимали, но на его лице гуляла столь приветливая радушная улыбка, что те невольно отвечали тем же.

Кроме того, добрую половину из гребцов-воинов связывало с Сангре и Булановым недавнее совместное боевое прошлое. Ведь они успели принять самое непосредственное участие в хитроумном плане Петра по взятию крепости крестоносцев. Будучи в авангарде, они бок о бок со своими командирами удерживали открытыми главные замковые ворота до прибытия основных литовских сил во главе с Кейстутом. В глазах всей Литвы они стали героями.

А благодаря кому? То-то и оно.

...Розыск хозяина складов, у которого друзья выяснили имя и внешность человека, три дня назад арендовавшего помещение, занял больше часа (пришлось вновь переправляться через реку). Еще час ухлопали, выясняя у помощника Черногуза, как выглядел человек, заманивший его хозяина на склад предложением купить товар по дешевке. Внешность обоих совпала. Вывод напрашивался сам собой. А следом второй – действовал киллер без помощников, иначе не стал бы везде светиться.

А спустя полчаса им действительно свезло: день был воскресный, обедня закончилась недавно, а потому за это время от пристани отошла одна-единственная посудина. Словом, вскоре они сидели в своей ладье, устремившейся вдогон, в верховья реки Великой.

Стоя на носу подле рулевого, с видимой натугой правившего здоровенным веслом, друзья напряженно вглядывались вдаль. Первым обратил внимание на маленькое пятнышко, на глазах превратившееся в ладью, Улан. Суденышко оказалось куда меньших габаритов, чем у них, и не обладало столь большой скоростью. Пять пар весел – не десять.

– Локис, – окликнул своего оруженосца Сангре.

Гигантский верзила, стоявший за его спиной, невнятно рыкнул в ответ.

– К бою, – и Петр не глядя протянул руку назад, принимая от него арбалет.

– Вилкас, – Улан и здесь оказался немногословнее друга, будучи уверенным: воин и без того поймет, что от него требуется.

И точно, в следующее мгновение второй из братьев словно по мановению ока вырос у него за спиной, передавая один из двух имеющихся у него арбалетов.

Во время боя основная задача обоих оруженосцев состояла в том, чтобы как можно быстрее взвести тетиву арбалета, зарядить его новой стрелой, отчего-то именуемой болтом, и передать готовое к стрельбе оружие командиру. Благодаря своей огромной силище оба делали это в считанные секунды, не пользуясь ни «козьей ногой», ни иными приспособлениями. Передавая взведенные арбалеты, другой рукой они принимали разряженные. Благодаря этому «конвей-

ерному» методу, внедренному Сангре, Улан и Петр могли произвести до шести, а при необходимости и до восьми выстрелов в минуту.

Однако сейчас друзья не спешили, дожидаясь, когда их ладья сблизится с преследуемой на расстояние, позволяющее максимально эффективную стрельбу. Но вот наконец дистанция между ними сократилась до двухсот метров и Улан, как наиболее хладнокровный и меткий, дал другу знать:

– Теперь пора.

Первый залп оказался удачен наполовину: одного гребца выбило, арбалетный болт Петра впился в борт лодки в сантиметрах от второго. Впрочем, хватило и меткого попадания Улана – получив в плечо железный болт, гребец, перед тем как уткнуться носом в спину сидящего впереди, уронил свое весло в воду, тем самым изрядно помешав слаженной работе.

– Бросай весла и останетесь живы! – крикнул Сангре.

Казалось, его приказ подействует, но через мгновение некий человечек в серой одежде, стоящий на корме, угрожающе рявкнул на гребцов, помавав в воздухе своим самострелом. Демонстрация оружия подействовала и те вновь налегли на весла.

Повторный залп друзей оказался удачнее – удалось поразить двух гребцов, и буквально в следующее мгновение весла остальных послушно взлетели кверху, демонстрируя покорность. Человечек в серой одежде зло оскалился, выстрелил в ответ по ладье преследователей и ринулся бежать к носу. Через пару секунд он вынырнул и уверенно погреб к берегу.

– А вот тебе и наш Аренд, – хмыкнул Улан и, тронув за рукав рулевого, кивнул в сторону плывущего. К сожалению, расстояние до берега было невелико и беглец, несмотря на старания гребцов-литвинов, выбрался на землю первым, торопливо устремившись в гущу леса, вплотную подступавшему к реке.

– Врешь, падла, не уйдешь, – взревел Сангре. – Уланчик, милый, садани гаду по ногам.

Увы, выстрел получился на редкость неудачным, поскольку оказался чересчур удачным. Такой вот печальный каламбур. Ну кто мог предвидеть нелепую случайность – в момент выстрела беглец споткнулся о какую-то корягу и упал. Из-за этого падения арбалетный болт, предназначавшийся для ног, впился ему под лопатку.

Оставалась надежда, что перед смертью тот в обмен на отпущение грехов поведаст, кто его подговорил совершить смертный грех. И вновь осечка – умирающий отвечать на их вопросы не захотел, только молча кривил губы в иронической ухмылке. Единственный раз он разжал рот, когда Улан, отчаявшись, напрямую спросил, не послан ли он московским князем Юрием Даниловичем. Презрительно выхаркнув сгусток алой крови на изумрудную траву, киллер еле слышно, но с явной издевкой в голосе прохрипел:

– Коли умный человек узелок завяжет, никаким дурням его в жизнь не развязать.

Но вложив остаток сил в последнюю фразу, он почти сразу закатил глаза и задержался в судорогах, впрочем, вскоре прекратившихся.

– Вот тебе и полярная лиса, – вздохнул Сангре, плюхнувшись рядом и печально глядя на бездыханное тело. – Съездили, называется, во Псков и окончательно расставили все точки над «i»...

Подниматься с травы не хотелось, а надо – чего расслаживаться-то.

– А как с телом поступим? – вяло поинтересовался Улан, не пришедший в себя после столь оглушительного конфуза – стрелял-то он. – Конечно, желательно его Михаилу Ярославину продемонстрировать, но спать на одной ладье с покойником... Бр-р... – он брезгливо перевернулся и предложил: – Может, прямо здесь закопаем? Все равно уж...

Сангре потер переносицу и выдал:

– Мы конечно, идиоты, но не клинические. В смысле, имеем надежду на поумнение. Я к тому, что есть вариант выправить ситуацию – попытаться напугать заказчика убийства призраком отца Гамлета! – Он посмотрел на нахмурившегося Улана и пояснил: – Даю вводную:

убивец покамест жив, но еле-еле, в беспамятство впал. Однако, очнувшись, непременно даст показания. Распространяем этот слух как можно ширшее и нужные люди, то бишь новые киллеры, потянутся к нам сами, чтобы сделать гражданина покойника дважды убиенным. Усек? Посему придется нам...

Спустя пару минут Улан вовсю распоряжался погрузкой «тяжело раненого», но позже, едва ладья отчалила от берега, уныло посетовал:

– Шансы в твоей затее имеются, но в целом можно сказать, что ответственнейшее задание тверского князя нами благополучно... провалено.

– И, как я предупреждал, следует ждать санкций, – в тон другу поддакнул Сангре, угрюмо глядя на бездыханное тело.

– Ага, – подтвердил Улан. – Правильно ты делал, не соглашаясь братья за расследование. А я, дурак, настоял.

Петр не ответил. Да, он и впрямь поначалу яростно протестовал, нутром чуя – навряд ли им удастся докопаться до истинной причины неожиданной смерти жены московского князя Юрия Даниловича Агафьи, нежданно-негаданно угодившей в плен к Михаилу Ярославичу. Обращался тверской князь с нею бережно, однако та спустя месяц стала жаловаться на недомогание и боли в животе и внезапно скончалась. А так как Агафью в недавнем прошлом (до выхода замуж) звали Кончакой и она доводилась родной сестрой великому ордынскому хану Узбеку, надо ли говорить, как сильно возжелал тверской князь Михаил Ярославич обелить себя.

И когда его послы в Литве, сватавшие первенца Михаила княжича Дмитрия за одну из дочерей великого кунигаса Литвы Гедимина проведали, что в окружении литовского князя волей случая затесались два именитейших дозначика, они моментально ухватились за них. Коль уж тем удалось выведать, кто отравил французского короля, притом не одного (липовая легенда, на скорую руку состряпанная Сангре по мотивам произведений Мориса Дрюона «Проклятые короли»), может, им и в Твери удастся отыскать истину.

Но легенда легендой, а когда побратимы, прибыв в Тверь, узнали, для чего конкретно хочет нанять их тверской князь, Петр действительно уперся, предлагая спустить все на тормозах. Мол, организм Агафьи попросту не выдержал непривычной русской пищи. Следовательно, состав преступления отсутствует и никто не виноват. Разве лекари.

Его опасения можно было понять. Не зря говорят, обжегшийся на молоке дует на воду. Дело в том, что некогда он, проживая в двадцать первом веке и будучи капитаном полиции, стал слишком глубоко копать под местных наркобаронов. Кто ж знал, что те предусмотрительно заручились поддержкой чуть ли не всей губернаторской администрации, включая самого хозяина области. Копал он, разумеется, вместе со своим закадычным другом капитаном Булановым, да и подставить их хотели обоих. Однако последнему по счастливой случайности удалось выскользнуть из приготовленной ловушки, после чего он принялся спешно выручать из беды друга. Полностью вытащить не вышло, но благодаря стараниям Улана новоиспеченный оборотень в погонах получил вместо пяти-шести лет всего один год, да и то с зачетом четырех месяцев, проведенных в СИЗО. Но отбыв оставшийся срок в Нижнетагильской спецколонии, он стал куда осторожнее относиться к расследованиям, прямо или косвенно связанным с высоким начальством.

Именно потому, мгновенно прикинув реальные шансы на успех и уразумев их ничтожность, Сангре откровенно заявил другу:

– Уланчик, мы оба знаем, что в жизни всегда есть место подвигу. Но мудрый таки держится подальше от таких мест. Мы вроде бы как-то разок успели наступить на эти грабли и ты помнишь, чем оно закончилось. Кстати, в тот раз мы получили от судьбы амнистию. Она отпустила одного из нас, позволив ему поработать над убавлением срока другому. Но теперь,

видя наш краковяк на тех же граблях, пощады от госпожи фортуны можно не ждать, бо она дураков не любит.

– Ты о чем?

– О том, что здесь, в отличие от двадцать первого века, за неудачи не увольняют.

– Но и не убивают.

– Э-э, нет. Кто другой – да, мог бы отделаться устным взысканием, но у нас специфика.

Мы – чужаки, вдобавок с подмоченной репутацией. Поверь, в случае неудачи некие дяди-бояре будут весьма рады напомнить о ней Михаилу Ярославичу. Мол, они, то бишь мы, облажались не просто так, но специально, ибо на самом деле парни того-с, засланные казачки... Не зря ж они, волки позорные, в свое время указали дорогу жизни московскому князю.

Улан поморщился, поскольку именно он в некий злополучный зимний день подсказал разбитому в битве и бежавшему от тверской погони московскому князю Юрию Даниловичу и его людям, в каком направлении идти, чтобы пробраться между болот.

– Я ж по незнанию, – не сдержался он.

– Ага, но лишь я один на сто процентов верю тебе. Зато остальные... Если бы не недовольство княжича Дмитрия боярином Иваном Акинфичем, таки тебя еще прошлой зимой подвесили бы на просушку на удобном суку. Ну и меня по соседству. И если мы сейчас лопухнемся, наш лютый друг Акинфич мигом станет напевать в уши Михаила Ярославича свои гнусные песни с однообразным мотивом, и у князя непременно возникнут весьма серьезные сомнения. После чего в отношении нас могут последовать весьма суровые санкции. Какие именно, расшифровать?

В конечном счете Петр согласился взяться за сомнительное расследование не столько побуждаемый просьбой Буланова, сколько ошарашенный сообщением друга. Тот, вспомнив прочитанные в свое время книги об этом времени, сообщил, что именно смерть Агафьи станет одним из основных обвинений, предъявленных в Орде тверскому князю. И если очистить Михаила Ярославича от этой вины, за две других – поднял руку на посла самого хана темника Кавгадыя и утаивал дани с русских земель – Узбек навряд ли приговорит тверича к смертной казни.

А учитывая планы князя по объединению Руси, чуть ли не до последней запятой совпадающие с планами друзей, Петр решил рискнуть и попытаться выручить Михаила Ярославича. Кроме того, тот и сам успел произвести на друзей весьма отрадное впечатление, как своей мужественной внешностью, так и внутренними достоинствами. Имелась в нем и порядочность, и справедливость и много прочих достоинств, весьма редко встречающихся в людях, воспаривших столь высоко.

И ведь поначалу у них и впрямь все пошло успешно. Благодаря помощи сведущей в медицине испанки Изабеллы, вырванной друзьями в Литве из лап инквизиторов и вывезенной на Русь, выяснилось, от чего умерла Агафья. Оказывается, ей действительно подмешали яд в косметическую мазь для притирания лица. Да и в вопросе о том, от кого княгиня получила саму мазь, расследование поначалу тоже продвигалось весьма успешно. От служанки княгини Фатьмы ниточка потянулась к сотнику Азамату, а от него удалось узнать, что мазь передал Агафье от имени ее мужа – Великого владимирского и московского князя Юрия Даниловича – некий купец Черногуз, прибывший незадолго до того из Москвы.

Оставалось взять купчишку и выяснить у него подлинное имя заказчика. Правда, Черногуз к тому времени находился во Пскове, но это казалось пустяком. Подумаешь, прокатиться туда и, незаметно повязав, привезти мужичка в Тверь.

И вот нате вам, купец мертв и его убийца тоже. Правда, оставались в живых гребцы на его ладье, но они не могли рассказать ничего путного. Нанял их киллер накануне, пообещав неслыханные деньги за пустяковый труд: доставить его со скоропортящимся товаром к Руго-

диву². Дальше он якобы управится сам. Что за товар, отчего такая срочность, киллер на поясвил, а гребцы, восхищенные щедрой ценой, не стали любопытствовать. Не задавали они лишних вопросов и сегодня, хотя маршрут внезапно изменился на противоположный – в верховья Великой. А чего спрашивать, если заказчик, птицей взлетев на ладью, первым делом увеличил цену вдвое и скомандовал: «Наддай». Ну они и наддали.

Получалось, дело – труба.

Нет, можно было бы вернуться во Псков, чтобы попытаться прояснить, когда прибыл киллер, где жил, с кем общался. Кто знает, вдруг и удалось зацепить перспективную ниточку. Но принимая во внимание ранения трех ни в чем не повинных людей из числа псковских гребцов, становилось понятно – возвращаться ни в коем случае нельзя. Поди растолкуй местным властям, что они гнались за убийцей, а ранения псковичей-гребцов – непредвиденная случайность. Кроме того, новгородский посадник, руливший в городе, к тверичам вне всяких сомнений отнесся бы с лютым пристрастием. А уж когда выяснил бы, что они – не купцы, можно было ожидать чего угодно, в том числе и самого наихудшего.

И оставалось одно – гнать как можно быстрее в Тверь, гадая по пути, какое наказание им определит князь Михаил Ярославич за проваленное расследование. А не вернуться тоже нельзя. И дело отнюдь не в оставленном в городе серебре. Вопрос, впрочем как и во все времена, упирался в иное – в женщин.

Бросить на произвол судьбы испанскую донью Изабеллу де Сандовал влюбленный в нее Улан никогда бы не согласился. И сам Сангре так никогда бы не поступил с Заряницей. Именно она спасла от смерти Улана, выхаживая его в деревне Липневке после нападения здорового медведя. Да и во второй раз, когда они, вернувшись в Тверь, попали в западню к боярину Ивану Акинфичу, она же прибежала чуть свет в княжеские хоромы и, бросившись в ноги к княжичу Дмитрию, умолила его вмешаться, иначе кто знает, как бы дальше обернулось. Была и третья причина, по значимости стоящая для Петра чуть ли не на первом месте, но её он даже сам себе не озвучивал...

Словом, вариант оставался единственный – возвращение. А дальше... как судьба распорядится. В лице князя....

---

² Так называли на Руси в те времена город Нарву.

Глава 1

Реакция князя

В пути они почти не разговаривали, подавленные случившимся. Помалкивал даже обычно словоохотливый Сангре. Лишь один раз Улан во время ночного привала напомнил другу:

– А я тебя еще до нашего отъезда во Псков предупреждал, что здесь далеко не все так просто как кажется.

Петр хмуро уставился на своего побратима, и в памяти отчетливо всплыли его возражения. Дескать, что-то тут не то и их версия насчет причастности к убийству Агафьи её собственного мужа – князя Юрия Даниловича – может оказаться ложной.

– Вот прихватим купчишку и разберемся до конца, – весело подхватил тогда Сангре, обрадованный тем, что ехать во Псков придется не конно, по вечерам с трудом сползая с лошади и передвигаясь исключительно враскоряку, а водой, на ладье. – Да знаю я, знаю, что ты скажешь, – замахал он руками на Улана, не давая перебить себя. – Мол, Черногуза сработали в темную и он понятия не имел о яде. Ну и ладно. Главное, чтоб он назвал нам имя заказчика, велевшего передать мазь Агафье. Назвал, а потом подтвердил свои слова в Орде. А почему ты против того, что заказчик – ее муженек? И все. Тем самым мы...

– Московский князь, спору нет, сволочь первостатейная, и жену, преследуя свои цели, отравить мог бы запросто. Но в то же время он – далеко не дурак и не стал бы работать столь грубо. Вот увидишь: при встрече Черногуз скажет, что получил косметику вместе с поручением доставить ее Аксинье не от самого князя. Хотя передающий заверил его, что действует по поручению Юрия Даниловича, а тому, дескать, недосуг.

– Конечно, не лично, – охотно согласился Сангре. – На фига московскому князю лишний раз светиться? Озадачил кого-то из своих бояр и все... Простая подстраховка.

– Но тогда снова нет логики, – возразил Улан. – Получается, он вначале подстраховался, а дальше пустил дело на самотек. Да что там – он даже не потребовал, чтобы его имя в Твери не упоминалось.

– Но гибель-то этой татарки кому принесла больше всего пользы? Мужу, то бишь Юрию, – не уступал Петр.

– Это, с одной стороны, ему выгодно, – вздохнул Улан. – Ты на другую теперь посмотри. Первое: он как минимум не может пару лет жениться, чтоб не обидеть ее брата Узбека – мол, как быстро забыл мою сестренку. А наследника у него до сих пор не имеется – дочка Софья не в счет, на Руси женский пол, пускай и княжеского рода, не получает ничего, кроме безбедного обеспеченного существования. И второе: в любом случае ордынский хан неприязнь затаит. Не уберег, гад, ненаглядную Кончаку. Я уж не говорю, что риск разоблачения в этой операции для самого Юрия запредельный.

– Считаешь, его кто-то подставляет? – прищурился Сангре. – А кто именно?

Улан беспомощно развел руками:

– Если бы я знал, – и он вяло отмахнулся, предложив: – Давай оставим этот пустопорожний разговор и потолкуем обо всем попозже, побеседовав с Черногузом, если... получится...

– Возможно, ты и прав, – откликнулся Сангре, припомнив их разговор и задумчиво вороша веточкой угольки костра. – Но если не он, то кто? Я, честно говоря, иных кандидатур на должность заказчика не вижу. А ты?

– Как обычно: ищи, кому выгодно, – напомнил Улан и пожаловался: – Брезжит что-то в голове, но сразу не ответишь, думать надо. А ты насчет другого голову поднапряги, – посо-

ветовал он. – Нужно приличное оправдание для Михаила Ярославина подыскать. И займись этим заранее, прямо сейчас.

– Ну да, – недовольно кивнул Петр. – Готовь сани летом, а катафалк смолоду. Ты всегда любил возложить самое тяжелое на мои хрупкие плечи. Ладно, попытаюсь, но вначале займусь покойником, чтоб он выглядел слегка живым....

Приспособление, сооруженное Сангре для мертвого киллера, было нехитрым – несколько связанных палочек, подсунутых под одежду. Получилось не ахти, сказывалось трупное окоченение, но, с другой стороны, умирающий не обязан сучить руками и ногами. Для полупокойника куда приличнее выглядит легкое шевеление кистью, а с ним полный порядок – с помощью Петра, идущему рядом с носилками, шевелил. И создавалось полное впечатление, что убийца живой, но в беспамятстве. Улан и еще пяток воинов, создав плотное кольцо, строго контролировали, чтобы к телу никто не мог подойти.

Михаил Ярославич был в тот день за городом, но услышал радостную весть о привезенном убийце Агафьи-Кончаки, во весь опор прискакал в Тверь. К тому времени покойник уже находился в маленькой избушке, расположенной позади терема, где жили друзья. Конечно, лучше всего было бы положить его на ледник, но ведь он вроде как живой – вот и пришлось на время (до ночи) разместить убитого в жилом помещении.

Где именно – вопросов тоже не возникало, поскольку выбирать было не из чего. Дело в том, что терем, купленный ими у старой боярыни, ушедшей в монастырь, строился по стандарту, как и подавляющее большинство других. Это означало, что внизу, в неотопливаемых подклетах, располагались исключительно подсобки для хранения всякой всячины, а наверх, в жилые помещения, вела высокая лестница, заканчивающаяся небольшим крылечком. Далее темный коридор, дверь из коего вела в просторную здоровенную комнату. Большая часть ее использовалась как совместная трапезная, а меньшая, отделенная огромной печью, как кухня или, как ее именовала Заряница, бабий кут.

Сбоку располагались еще две лестницы, ведущие на третий этаж. Первая выходила на женскую половину, состоящую из четырех комнат. Одну из средних – некогда бывшую молельную – отвели для брата Заряницы кузнеца Горыни, раненного в позвоночник во время битвы тверичей с москотянами и татарами. Там было удобнее всего – по соседству располагалась и сестра, и лечившая его испанка Изабелла вместе со служанкой Забавой.

Вторая лестница выходила на мужскую половину. Там было всего две комнаты и маленький чуланчик между ними. В нем побратимы хранили сундуки с серебром и свое оружие. Поначалу они решили затащить покойника именно туда, но мертвяк, пусть и еле ощутимо, но начал припахивать. Кроме того, желающим добить «раненого» забраться в терем тоже будет слишком затруднительно. И они распорядились занести его в один из трех крохотных флигельков-избушек, расположенных позади терема и предназначенных для проживания обслуги. Так как пока у них в услужении имелись лишь истопник, конюх, живший в клетушке на самой конюшне, и вратарь, третий временно пустовал.

– Авось всего до ночи, а там мы его переправим в ледник, – пояснил Сангре. – Главное, чтоб все видели, куда мы его затащили поначалу.

Разумеется, князь прибыл к ним не один, а со свитой. Хорошо, у входа во флигель Петр предусмотрительно выставил стражу и не одного-двух, а сразу пятерых могучих литвинов. Выполняя четкую инструкцию, они молча пропустили вовнутрь Михаила Ярославича и мгновенно сомкнулись, не позволив войти остальным. Хоть и бранились сопровождавшие князя бояре, а кое-кто, по примеру Ивана Акинфича, и за саблю схватился, воины-часовые сохраняли хладнокровие и снисходительно поглядывали с крылечка на кипятившийся от негодования народец.

Сообщать Михаилу Ярославичу, что киллер давным-давно покойник, тоже не пришлось – тот и без пояснений все понял. Посуровев лицом и сразу как-то постарев, он примерно с минуту взирал на труп, после чего бросил потухшим голосом:

– Сюда-то зачем? На ледник надо, – но судя по равнодушной интонации было понятно – сказано просто так. На самом деле князю абсолютно наплевать, что будут делать с трупом.

Впрочем, чуть погодя он и сам подтвердил это. Грузно ступая и сутулясь, словно на его плечи неожиданно свалили некий тяжкий груз, он подошел к столу и мрачно осведомился:

– А лучше всего там же и бросили бы, где прибили. Или вы помыслили, будто я эту падаль в Орду повезу?

Побратимы молчали, потупив головы. Еще на ладье, когда подплывали к Твери, Сангре, на вопрос друга «Удалось ли придумать какую-нибудь отмазку?» сказал Улану:

– В таких вещах важен конкретный окончательный итог и если он неутешителен, любые отговорки и пояснения бесполезны. Как говаривал мудрый старина Екклесиаст: «кротость покрывает и большие проступки». Посему оправдываться смысла не вижу. Ни к чему размазывать белую кашу по чистому столу. Будем стоять и молчать аки рыба об лед.

– А если князь сам спросит о подробностях?

– Тогда и ответим. Но о татарском сотнике Азамате, который свел Агафью с Черногузом, ни слова. Лежит себе загипсованный в нашей Липневке с якобы поломанными костями, и пускай лежит. И еще одно, – Сангре смущенно замялся.

– Ну-ну, – поторопил Улан.

– Если честно, я не готов пройти процедуру моральной кастрации, так что рассказывать надо тебе, – вздохнул Петр, – бо тут нужна краткость и спартанская лаконичность. А позже, когда речь дойдет до идей – я и приму у тебя эстафету.

Именно потому на вопрос князя «Как было дело?» стал отвечать Улан, причем именно так, как посоветовал Сангре.

Приплыли. Нашли лавку Черногуза. Застать не удалось. Его человек сказал, что тот укатил в Нарву, но вот-вот должен вернуться. Брать его на обратном пути во Псков посчитали рискованным – опасались разминуться в пути. Ждали два дня. На третий его человек сказал, что хозяин прибыл, но отправился посмотреть предложенный ему по дешевке товар на той стороне реки Великой, где располагались склады иноземных купцов. Метнулись туда, а там... Ну а дальше ринулись в погоню. Настичь удалось, но...

– По ногам следовало стрелять, – вяло посоветовал Михаил Ярославич.

– Так и целил, – вздохнул Улан. – А он как раз споткнулся и упал. Вот и... – он сокрушенно развел руками.

– Видно, так господу угодно, – поморщился князь, перекрестившись. – Успел сказать хоть что-то или враз помер?

Буланов повторил слова киллера.

– О чем это? – нахмурился князь.

Улан пожал плечами и ответил в точности, как ранее Петру.

– Думать надо.

– А сюда мы его занесли и твоих людей не пустили, – посчитал, что пора вмешаться, Сангре, – по той причине, что надеемся поймать тех, кто придет его добить.

– Мыслишь, придут? – и искорка надежды вспыхнула в глазах князя.

– Должны, – твердо ответил Петр.

– Зачем?

– Это купцу про отравленную мазь можно не сказывать, – пояснил Улан. – Да и передать ее через третьи руки. А поручить убрать Черногуза должен был сам заказчик убийства Агафьи, иначе этот, – он кивнул он в сторону покойника, – исполнять бы не пошел. Значит, килл...

то есть убийца должен знать заказчика в лицо. И чтобы он не назвал имени, к нему должны прийти «гости».

Увы, операция «Тень отца Гамлета» завершилась, не начавшись. Михаил Ярославич напрочь забраковал идею ловли на живца. Причина была проста. В случае, если никто не придет добывать, ситуация, и без того аховая, станет еще хуже. Ведь тогда все тот же Юрий Данилович станет уверять Узбека, будто с убийцей, дабы не рассказал ничего лишнего, справился сам тверской князь. Именно потому он и не повез раненого сразу в Орду, но якобы велел вначале его вылечить, а на самом деле добил.

Однако Сангре не унимался и выдал другую идею. Мол, тогда надо бы предоставить грамотку от этого убийцы московскому князю. Мол, на теле нашли. А в ней указать кое-что для внесения ясности. Дескать, извещаю, что все порученное тобой исполнил, как условились. Нет в живых ни купчишки бухарского, у которого ты ядовитый порошок прикупил, ни Черногуза, отравленную мазь твоей женке подсунувшего. Оба ныне на том свете – один с Аллахом разговаривает, другой с Саваофом. Хотел о них самолично сообщить, но опаска имеется, что ты и меня вдогон за бухарским купцом и Черногузом отправишь, Посему расчет окончательный произведи с моим верным человеком, грамотку тебе доставившим. Да не мешкай, ибо если он мне в течение месяца обещанное тобой не привезет, я молчать не стану. Сам к Узбеку не поеду, но сообщить, кто смертушку лютую для его сестрицы учинил – смогу. И доказательства предоставлю такие, что хан обязательно поверит.

Идею Петра князь выслушал с интересом, но... вновь отверг. Дескать, коль на то пошло, на каждую ложь ответную сыскать можно. К примеру возьмет Юрий и заявит, что убийца одного в глаза не видел, а чтоб себя обелить, тверской князь честного купца не погнушался умертвить. И вообще, для начала надо бы точно знать, что именно Данилыч замешан, а уж затем ковы на него клепать. А то выйдет, что напраслину на человека возвели, а он ни сном, ни духом. За такой смертный грех на том свете тяжкий ответ держать придется.

– Ну а кому еще быть, как не ему?! – возмутился эдаким чистоплюйством Петр.

Но Михаил Ярославич вместо ответа устремил взгляд на Улана.

– И ты мыслишь, что смерть Агафьи на совести Юрия Даниловича лежит?

Буланов тяжело вздохнул, виновато покосился на Сангре и негромко произнес:

– Нет.

– А на чьей? Уж не на моей ли? – Улан замялся. – Ну, ну, валяй как на духу, – ободрил его князь. – Слово даю – не трону.

– Если честно, поначалу имелись небольшие сомнения, – нехотя сознался Буланов. – Совсем маленькие, но... Римляне говорили: ищи, кому выгодно. Тебе князь, ее смерть тоже выгодна: твой лютой враг с ее гибелью из ханского зятя превращается в негодя, не сумевшего уберечь его сестру.

Видя, как инстинктивно сжимаются-разжимаются княжеские кулаки, Сангре незаметно толкнул друга в бок, пытаясь его уговорить, но тот отмахнулся и, упрямо склонив голову, продолжил:

– Да и когда обратно из Пскова плыли – тоже шевелились подозрения. Ведь о том, что мы едем за Черногузом, знал лишь ты один.

– А теперь?

– Больно ты радостный сюда ворвался, а когда мертвого увидел – сильно опечалился. Значит, нет на тебе вины.

– За правду благодарствую. И хорошо, что я пообещался тебя не трогать, – хрипло выдохнул Михаил Ярославич и Петр, подметив, что его увесистые кулаки разжались, облегченно вздохнул. – А ежели искать, кому выгодно, – продолжил князь, – то ежели не я, и не Юрий, то боле и некому, – и он озадаченно уставился на Буланова. – А может, лекарка ваша промашку дала и Аксинья вовсе не от отравы померла?

– Она на мышах проверила, и они все сдохли, – напомнил Улан. – Нет, яд был, это точно, а вот кто его в притирание подмешал... Если искать, кому смерть Аксиньи выгодна, у нас появляются еще три человека.

– Так чего ж ты молчал?! – радостно оживился Михаил Ярославич и в азарте склонился вперед, словно собираясь сей же миг кинуться на поимку всей троицы. – Давай, сказывай, кто такие?! – нетерпеливо выдохнул он.

– Борис, Иван и Афанасий Даниловичи, – выдал три имени Буланов.

– Так это ж... – недоуменно нахмурился князь.

– Точно, – подтвердил Улан. – Все трое – родные младшие братья московского князя и всем им прямая выгода, если Юрия обвинят и казнят. Но больше всего Борису. Он после своего брата самый старший, значит, унаследует его власть. Кстати, он же пока правит в Нижнем Новгороде, а значит, имел больше возможностей заказать яд у восточных купцов – все они едут на Русь через его город. Следующий – Иван, сидящий в Москве. Да и самый младший – Афанасий – тоже на подозрении. Пока он – наместник Юрия Даниловича в Великом Новгороде. Случись беда с братом, и он останется там как полноправный князь. А кроме того у них получается беспроегрышная игра, ведь если настоящих убийц не найдут и братец останется цел, тогда виновным в смерти ханской сестры станет... – он осекся.

– Понятно кто, – отмахнулся Михаил Ярославич.

– Вот-вот, а значит, будет уничтожен самый опасный соперник, после чего над их княжениями, где бы они ни были, перестанет витать угроза со стороны Твери. А теперь поясню, почему я выдвинул такую версию...

– Что ты выдвинул?! – нахмурился князь.

Улан осекся и поправился:

– Догадку. Дело в том, что к ней очень хорошо подходят прощальные слова убийцы. «Коль один умный узел завяжет, так никакому дураку его в жизнь не развязать», – процитировал он. – Не годится сюда Юрий. Я это и Петру говорил. Подлый он – да, но, как мне кажется, не особо умный. Он и чужие узелки предпочитает рубить, а уж о том, чтобы самому их сплести и говорить нечего. Получается, кто-то из его братьев узелок сей завязал. Вот только кто, мы пока..., – он виновато развел руками.

Пару минут Михаил Ярославич сидел молча, переваривая сказанное. Наконец лицо его поскучнело и он выдал:

– Не пойдет. Не на их стать такой узел завязать. Ни один из братьев на такое не годится.

– Почему?! – вырвалось одновременно у обоих побратимов.

– Борису мои люди имали еще в Костроме, он тогда совсем юнота был. А чуть погодя он, озлившись на Юрия, вместе с братом Александром и вовсе ко мне в Тверь отъехал.

– Озлившись, – задумчиво повторил Улан и вопросительно посмотрел на князя, но тот сердито мотнул головой, пояснив:

– Дело прошлое. Давно оно случилось. Но о прошлую зиму под Бортеневым его нижегородская дружина бок о бок вместила с Юрьевой с моими людьми билась. Правда, в полон он ко мне вместе с Агафьей угодил и время, дабы отраву подсунуть, было.

– Все-таки было, – эхом откликнулся Улан.

– И сызнова не годится. Сам же мне поведал, что передано через купца. К чему окольными путями идти, когда напрямки куда лучше?

– Чтоб Юрия под удар подставить, – встрял Сангре. – Да и следы запутать.

– Опять же мотив: новая и притом свежая обида на брата. Дескать, сам убежал с поля битвы, а его бросил, – рассудительно заметил Буланов.

– Нет, – отрезал Михаил Ярославич. – Всё вы верно толкуете, но где бы он отраву прикупил?

– Ты говорил, будто он трусоват, – напомнил Улан. – Из опасения попасть в плен не мог он ее сам для себя загодя приготовить?

– Не мог. Сказываю же – богомольный, а себя жизни лишит – для христианина грех смертный. И вот еще что: за ним я особый пригляд учинил. Все ж таки брат врага лютого, коль и его не уберег бы, Юрий и вовсе пеной от крика изошел. Побожиться могу – пуст был Борис.

– Тогда... Иван, – предположил Сангре и, не удержавшись, обиженно покосился на Улана – почему не поделился своей версией насчет трех братьев сначала с ним. – Опять же Черногуз из Москвы.

Князь пренебрежительно отмахнулся.

– И он не гожа. Умен, спору нет, но сидит в Москве тихо, никуда не суется, и весь ум его в хозяйстве. Торгаш, одним словом. Что и где купить подешевше да продать подороже, что придержать до нужного времени, – тут он всех нас за пояс заткнет, а касаясь прочего... Опять же и богомолен излиха, смертный грех на душу взять побоялся бы. Да и людишки, кои подле крутятся, ему под стать – купчишки да прочие.

– А Афанасий? – с надеждой осведомился Улан.

– И его я имал, когда он супротив меня с новгородской ратью вышел, было время потолковать о том, о сем. Афанасий, помимо того, что богомольный, вдобавок и трусоват, боится всего. Потому и не сыскать ему людишек, годных на таковское. Сильные духом к слабому князю служить не пойдут. Вот и выходит, – тяжело вздохнул Михаил Ярославич, – что целил ты, ведун, не туда и все твои стрелы мимо прошли. Али не согласен?

Буланов не ответил, но по тому, как он упрямо склонил голову, и без слов стало понятно, что князь прав с догадкой – не согласен. Но тот не оскорбился и пояснил почти ласково:

– А даже ежели и прав – проку с того? Афанасия допросить – он в Великом Новгороде. Бориса я тоже отпустил из полона, далече он ныне, в ином Новгороде, в Нижнем. Иван ближе всех, в Москве, ан и его отгеть не выковырнуть. А и была бы возможность поспросить – кто ж сам себя оговаривать бы стал, верно? Вот и выходит – коль кто из них оное учинил, лишь на том свете с него за злодеяние спросится, а на этом...

Не договорив, он обреченно вздохнул и тяжело поднялся с лавки.

– Княже, – взмолился Сангре. – Одну просьбу дозволю. У тебя ж в порубе уйма людей сидят, верно?

– И что с того? Чай, за дело, а не просто так.

– Ну да, ну да, – торопливо согласился Петр. – Речь не о том. Просто если их провести перед покойником, может, кто его и признает. А отталкиваясь от этого, попробуем прояснить – где жил, чем и как. Глядишь, и среди князей ясность появится.

– А вот оное ты неплохо измыслил.

– И еще одно, – замялся Сангре. – Объявить надо: того, кто признает, помилование ждет. – Подметив тень сомнения на лице Михаила Ярославича, он заторопился с пояснениями. – Ты не думай, мы ж его сами вначале расспросим, все проясним основательно, и, если он соврал, чтоб свободу получить, ему хуже, пропишем по самое не балуй.

– Ладно, – нехотя согласился князь. – Ради такого дела отпущу одного лиходея. Вот послезавтра и учнете свои смотрины.

– А пораньше?

– Ныне притомились поди с дороги – ни к чему. А к завтраму с утречка жду у себя в тереме. Там слово свое поведаю. И так мыслю, после него вам... недосуг станет людишек из порубов вытягивать.

И он вышел.

Глава 2

Почти хеппи-энд

Побратимы переглянулись, недоумевая. Чего им ждать от завтрашнего визита, гадали долго, но ни к какому конкретному выводу не пришли – слишком много вариантов. Особенно с учетом многозначительной паузы и последующего пояснения: «недосуг станет». С чего бы?

На всякий случай друзья приняли кое-какие меры по подготовке к срочной эвакуации, а проще говоря, побегу из города. Загодя предупрежденные литвины к вечеру вывезли в свой дом-казарму, стоящую в пригороде Твери, за городскими стенами, сундуки с одеждой и наличностью, оставив лишь шкатулку с серебром – на бытовые расходы. Дабы княжеские дружинники не застигли их врасплох, Сангре предусмотрительно распорядился удвоить сторожевые посты. Да и внутри самого терема, где он жил вместе с Уланом, тоже выставили ночную стражу.

Однако ночь прошла спокойно. Да и в городе царил тишина, о чем успела сообщить спозаранку пробежавшая по торжищу Заряница. У княжеского терема тоже было все как обычно, и Сангре порадовался, что они прихватили с собой в качестве сопровождения всего четверых: пару оруженосцев и телохранителей.

Тем не менее в приемный зал, как Петр про себя называл здоровенную комнату, где собирались княжеские советники, побратимы вошли слегка робея. Как ни крути, но дело, порученное им, они в конечном итоге завалили, а значит, какое-то наказание должно последовать. И насколько оно окажется суровым, поди пойми.

Завидя их, бояре, сидевшие по лавкам, расставленным у стен, принялись вполголоса переговариваться. Во взглядах, бросаемых на побратимов, читалось разное. У Кириллы Силыча и нескольких, сидевших поблизости от него – дружелюбие. Зато в глазах сидевших подле Ивана Акинфича рдела враждебность, а сам Акинфич и вовсе полыхал лютой ненавистью.

Слегка успокаивало, что первенец Михаила княжич Дмитрий, стоящий за отцовским столом, как здесь именовали специальное княжеское кресло с витиеватой резьбой, смотрел на них совершенно иначе – с легкой улыбкой, эдак ободряюще. Да и сам Михаил Ярославич вроде выглядел благодушным. А может, попросту скрывал свое истинное настроение, как знать.

Едва они вошли, как тверской князь поднялся со своего стола и тяжелой поступью направился к ним. Но того, что произошло впоследствии, не ожидали ни Буланов, ни Сангре. Остановившись подле них Михаил Ярославич, возложив правую руку на плечо Улана, повернулся к сидящим.

– Еще раз сказываю – что было в их силах, то они и возмogli, – твердо заявил он, словно продолжая некий спор, шедший среди присутствующих до их прихода. – Да и ранее... Тебя, ведун, благодарствую за пророчество доброе, кое дух у моих воев подняло, а тебя, гусяр, – и его рука опустилась на плечо Петра, – за песню добрую. Ну и в Литве тож кое в чем подсобить моему боярину сумели, как он мне поведал.

Сидевший поодаль от Ивана Акинфича Кирилла Силыч при этих словах расплылся в довольной улыбке и, как бы подтверждая, утвердительно закивал, а князь, вновь повернувшись к друзьям, произнес:

– Потому жалую вас обоих шубами бобровыми.

Едва он это сказал, как стоящие у входной двери дружинники направились к побратимам. Оба держали по черной бобровой шубе.

– А чего говорить-то надо? – шепнул Петр Улану, пока дружинники, зайдя сзади, накидывали на каждого шубу.

Тот неуверенно пожал плечами. Как назло, тот, что суетился подле Сангре, оказался более расторопным и управился первым. Значит... Петр смущенно кашлянул в кулак и громко заверил Михаила Ярославина:

– Благодарствую за честь, княже.

Следом то же самое повторил Улан.

Судя по еле приметному разочарованию, князь хотел услышать нечто иное, но «Служу отечеству» не подходило, а «трудовому народу» вообще не лезло ни в какие ворота. Однако Михаил Ярославин продолжал медлить, явно ожидая продолжения, и Сангре нашелся, бодро заверив:

– Поверь, отслужим.

И вновь промах. Нет, судя по легкой улыбке князя, он от них ждал эдакого, но не только. Легкий поклон ситуации тоже не исправил – разочарование на лице Михаила Ярославина никуда не делось. Да и лицо стоящего подле столика княжича Дмитрия тоже вытянулось – что-то друзья упустили из обязательного, но неведомого им ритуала награждения.

– Ну а об остатном позже договорим, ближе к вечеру, – кивнул им в ответ Михаил Ярославин, давая понять, что аудиенция закончена.

Слово свое он сдержал и засветло подкатил к их терему. Как раз вовремя – все четверо (друзья и Изабелла с Заряницей) едва уселись за пиршественный стол.

– Эва, как тут у вас чинно, – с порога прокомментировал Михаил Ярославин, очевидно имея ввиду в первую очередь столовые приборы: перед каждым отдельная тарелка, а подле, помимо ложки и ножа, лежала серебряная вилка.

Усевшись на стул и вольготно откинувшись на спинку, он не преминул похвалить хозяев еще раз.

– Ишь какие, заботливы об удобствах. Эвон, не лавки – столыцы понарасставили. И спинки разузоренные, чтоб тулово опереть, и поручни, чтоб длани покоить. За таковский любого посадить, вмиг удовлетворишь, – хлопнул он по подлокотникам.

Сангре прикусил губу, с трудом сдерживая улыбку и давя в себе мальчишеское желание показать другу язык. Ведь именно Петру принадлежала идея заказать их мастеру Березняку, причем чуть ли не в самую первую очередь. И вот результат. Пускай тот не успел выполнить весь обширный заказ, но со стульями получилось как нельзя лучше.

Сервирован стол был на пять персон – хотя всерьез обещание князя побратимы не восприняли, но местечко для него приготовили, притом самое лучшее, во главе стола, под божницей. Однако вместе с Михаилом Ярославичем в терем заглянул княжич Дмитрий и боярин Кирилл Силыч. Пришлось подтаскивать к столу два последних резервных стула.

На широкой груди боярина красовалось нечто вроде золотой медали на золотой же цепи. Правда, выглядела медаль несколько непривычно, особенно ее форма – эдакий вытянутый овал. На нем был изображен князь, сидящий на своем столыце, а внизу полукругом краткая надпись: «Се дар княжев». Чей конкретно дар – не указывалось. Впрочем, ошибиться было нельзя. Неведомый гравер обладал достаточным талантом, чтобы отобразить почти все характерные черты Михаила Ярославича. Особенно мастеру удался высокий лоб с большими залысинами на висках.

– Что, гусяр, по нраву пришлась? – улыбнулся князь, заметив внимательный взгляд Петра, устремленный на боярскую «медаль». – Ништо, ежели ты мне столь же верно и усердно послужишь, глядишь, с летами тоже такую заполучишь.

Пировали гости недолго. Михаил Ярославич, провозгласил здравицу за хозяев, но отпил из кубка не больше трети, а затем внимательно посмотрел, как орудуют вилками остальные, и принялся повторять. Учитывая, что пользовался он ею впервые, выходило у него превосходно. Да и у Дмитрия тоже. А вот Кирилл Силыч не рискнул воспользоваться загадочным инструментом и накалывал мясо исключительно на нож, как привык.

Меж тем князь, деликатно отведав кусок курочки, ломоть запеченной духмяной свинины и заев мясо шматом квашеной капусты, похвалил хозяек за славное угощение и, очевидно посчитав, что основные приличия соблюдены, поинтересовался, рассеянно крутя в руках вилку:

– Одного не пойму, то ли это у вас прощальная трапеза, то ли пиршество по случаю награды. Уж сделайте милость, растолкуйте гостям, как оно понимать?

И все трое гостей, как по команде, вопросительно уставились на побратимов. В глазах Дмитрия явственно читалась тревога, боярина – эдакая укоризна.

Сангре потер мочку уха и выразительно посмотрел на Заряницу, еле заметно кивнув ей. Та, мгновенно сообразив, попросила княжеского дозволения удалиться. Дескать, братца больного покормить надо, и, легонько потянув Изабеллу за рукав, добавила:

– Да и отварами вечерними заодно попоим болезного.

Михаил Ярославич внимательно посмотрел им вслед, дожидаясь, когда они поднимутся наверх, и, пристально уставившись на Петра, негромко полюбопытствовал:

– Так что поведаете? Вроде я ничем вас не обидел, а вы, по слухам, в путь-дорожку засобирались.

Улан виновато закашлялся, Сангре тоже засмутился, а князь продолжал:

– Опять же и на службу к мне не запросились, стало быть и впрямь иное намыслили. Скрывать не стану, не хотелось бы отпускать – уж больно смышленные. Да и дружина у вас хошь и малая, но справная. Но с иной стороны взять – вроде как насильно мил не будешь.

– Мы ж подвели тебя! – растерялся Петр.

– Не то сказываешь, – строго возразил князь. – Я душой не кривил, шубами вас наградив. Вы свое дело и впрямь хорошо учинили. Кто иной и вовсе ничего бы не добился, а вы и след добре гнали, и выведать многое исхитрились. А коль чего не вышло – что ж. Жаль, конечно, но видно богу угодно, чтоб мне за убийца неведомого ответ держать, а уж какой – о том господь ведает, да еще хан ордынский. Видно, такова моя... – но договаривать не стал, сменил тему.

Мол, скрывать ни к чему, он велел уж и грамотки на две деревеньки им в кормление приготовить. Мыслил, как попросятся на службу, сразу их и вручить. Да и сын-наследник, честно признаться, ему все уши про них прожужжать успел, и тоже уверял: останутся, непременно останутся. А оказывается...

Дмитрий при этих словах засмутился, густо покраснел, аж уши запунцовели. Однако он послушно молчал, не встревал, с упреком поглядывая на побратимов.

– Мы так и подумали, княже, что эти награды не за одни прошлые заслуги нам тобой дадены, но и... – Улан чуть замаялся, поскольку сказать «авансом» было нельзя, слово на Руси незнакомое, но вовремя нашелся Сангре:

– А еще и за будущие, впрок. И уезжать не жаждем, – бодро продолжил он. – Наоборот вчера целый вечер кручинились, боясь, что ты нас после этой неудачи прогонишь. Потому и проситься на службу не стали. Чего отказ прилюдный выслушивать? Коль так вышло, одно осталось – вещички собирать.

– ...согласно мудрой эллинской поговорке: «Надейся на лучшее, а готовься к худшему», – подхватил Улан. – А если ты столь высокого о нас мнения, мы с удовольствием останемся...

– ...потому что убеждены – пригодимся тебе и не раз. И можешь поверить, здорово пригодимся.

– Не мне, – поправил Михаил Ярославич, – сыну, Дмитрию. А ко мне уже гонец прибыл – Узбек к себе кличет. Я и струги повелел собирать.

При этих словах Кирилла Силыч досадливо крякнув, хотел что-то сказать, но не стал, уныло вздохнув.

– А ты пока не спешил бы ехать, – осторожно посоветовал Улан. – Пусть два-три месяца пройдет, а там, глядишь, и у хана сердце оттает. Знаешь, горечь утраты со временем...

– Да я и сам так мыслю, – согласился князь. – Допрежь отъезда лучше бы поначалу с Юрием мир урядить, чтобы он меня не столь шибко перед ханом оговаривал. Эвон, даже посольство любви и согласия к нему отправил. Чаю, боярин Лясандра Маркович возможет моему супротивнику растолковать, что нет на мне вины в смерти его женки. А в Орду покамест сына Константина намыслил отправить.

– Мне следовало вместях с Ляксандром Марковичем ехать, – проворчал Кирилла Силич. – Вдвоем-то сподручнее.

– Что о том толковать, – досадливо отмахнулся Михаил Ярославич. – Эвон, как тебя о ту пору простуда скрутила. Куда такому в дорогу.

– А не мал твой сынишка для такого посольства, – усомнился Улан, припомнив виденного им мельком пару раз подростка лет двенадцатитринадцати, не больше.

– Так ему там говори не вести, zakładником быть.

– И не жалко его? – сорвалось с языка у Петра. Он осекся, мысленно выругав себя за несдержанность, но слово не воробей, выпорхнуло.

– Ты чего такое сказываешь? – насупился боярин. – Неужто помыслил, будто наш князь...

– Остынь, – осадил угрожающе привставшего из-за стола Кириллу Силыча Михаил Ярославич, и невозмутимо пояснил Сангре:

– Не посмеет Узбек его жизни лишить. И не из-за лет малых, басурманам на такое плевать, а побоится, что я тогда вовсе к нему не приеду, – и князь тяжело поднялся из-за стола. – Ладно, коль посулились не отъезжать и на службу ко мне пойти, я слову вашему доверюсь, а посему об остатнем можно и завтра потолковать. Тогда же и ряд³ с вами заключим. Пируйте далее, но к полудню жду обоих у себя. С грамотками же медлить не стану, пущай и келейно, но вручаю их вам прямо тут, – он кивнул княжичу.

Тот, просияв, извлек из сумы, висящей сбоку на поясе, два туго скрученных свитка с тяжелыми вислыми печатями, а Михаил Ярославич, чуть повысив голос, торжественно провозгласил:

– Жалую каждому из вас в кормление по деревеньке близ Зубцова. Места там, правда, беспокойные, порубежье близко, Ржевское княжество вовсе недалече, ну да управитесь чай. К тому ж там ныне иной князь сидит, а он на иконах поклялся в младших братьях⁴ у меня ходить.

– Отслужим, – еще раз заверил Сангре.

– Верю, – кивнул князь. Следом за ним поднялись из-за стола довольно улыбающийся Дмитрий с боярином.

Но на полпути к двери Петр остановил Михаила Ярославича.

– Княже, просьба к тебе малая, – выпалил он.

Тот остановился. Во взгляде еле заметно скользнуло разочарование.

– Там у нас наверху кузнец Горыня лежит, брат Заряницы, – заторопился Петр. – Он после битвы под Бортеневом к постели прикован, встать не может. Вон, боярин твой о том ведает, Горыня первое время как раз у него отлеживался.

– Точно, – подтвердил тот. – Хребет ему сабелькой поранило. А бился он славно, видал я.

– Так раз уж ты здесь, может, навестил бы. Для него твоя похвала и пожелание выздороветь целебнее любого отвара будут.

– Ах, вон ты о чем? – с видимым облегчением протянул Михаил Ярославич. – Что ж, дело доброе, – и распорядился, – веди.

---

³ Ряд – договор (ст. – слав.).

⁴ Обязательство быть младшим братом на Руси по сути означало признание подчиненности «старшему брату», касающееся всех внешних дел. Если перевести на европейский лад, то это своеобразная клятва вассала.

По пути Сангре прихватил со стола деревянную солонку, вырезанную Горыней в виде забавной куколки, и, сунув князю в руки, шепотом попросил похвалить его рукоделье и попросить себе на память.

– Ишь какой заботливый, – буркнул Михаил Ярославин, но солонку принял и не меньше минуты, стоя у изголовья больного, старательно расхваливал ее.

Не забыл он помянуть и про ратную доблесть кузнеца. Мол, хоть и издали, а краем глаза подметил, как тот лихо ворогов крушил. От таких слов Горыня буквально расцвел, раздумячился – теперь он вновь напоминал того здоровяка, каким был до ранения в позвоночник. И на княжеское напутствие непременно выздоравливать, да чтоб к рождеству богородичному непременно на ноги встал, али уж крайний срок – к крещению Спасителя, горячо заверил, что беспременно встанет.

Услышав такое, Заряница не выдержала и, прижав к лицу платок, опрометью вылетела из ложницы. Да и оставшиеся тоже расчувствовались, а Забава даже всхлипнула, с трудом удерживая подступившие слезы.

На обратном пути, спускаясь по наружной лестнице – князь с Петром чуть впереди, остальные следом – Михаил Ярославич задумчиво заметил:

– Эва, сколь мало надобно, чтоб человека осчастливить... хоть на чуток. А ты молодец, гусяр. Сам-то, как я слыхал, высокого рода, а сердце доброе имеешь и к простому люду отзывчивое. Я признаться, поначалу помыслил, будто для себя что-нито попросишь, а ты вона об чем, – и, покосившись на Петра, он хитро осведомился: – А ты, часом, не не из-за сестрицы столь к брату заботлив, ась? – Сангре возмущенно засопел, а князь, лукаво улыбаясь, невозмутимо продолжил: – Ну, так и есть, эва как закипел.

– Токмо попомни, – встрял Кирилла Силыч, – поначалу тебе перекреститься придется. Негоже, чтоб у мужа с женкой разные веры были.

– Верно, – поддержал боярина князь. – Я такую баскую девку в латинство нипочем не отдам.

Они уже садились на коней, когда князь возобновил тему и, усевшись в седло, шутиливо погрозил Сангре пальцем:

– Да гляди, осерчаю, коль меня на свадьбу не позовешь.

– С того света не зовут, – тихо произнес стоящий позади Петра Улан, когда ворота за князем, боярином и четырьмя его дружинниками закрылись.

Сангре, круто развернувшись на каблуках, гаркнул на друга:

– На этом свете он будет, ясно тебе?!

– Ты решил успеть до его отъезда в Орду свадьбу сыграть или как? – невозмутимо поинтересовался Буланов.

– Да какая к шутам свадьба, – досадливо отмахнулся Петр и посоветовал: – К тому же, судя по поведению Заряницы, если кому и вести ее под венец, то тебе. Точно, точно. Обрати внимание, она даже на Изабеллу стала косо поглядывать, не иначе ревность обуяла, – он досадливо поморщился. – И вообще, не о том мы. Тут надо думать, как Михаила Ярославича выручать.

– И в первую очередь тебе, – парировал Улан. – Или забыл, кто в нашем дуэте генератор идей?

– От которых сам князь постоянно отказывается, – огрызнулся Петр. – Я ему еще вчера две неплохие мыслишки подкинул, а он их на корню загубил! Грех, видите ли! Ну да, умереть святым куда проще, чем жить грешником.

– Две – это хорошо, – невозмутимо согласился Буланов, – но бог любит троицу, а про третью, когда она тебе на ум придет, мы ему ничего не скажем. И про последующие тоже. А посему думай, старина, крепко думай, но помни – времени у нас чертовски мало.

Глава 3

Даешь первый ОМОН!

Очередные идеи у Петра созрели довольно-таки быстро, на следующий день. Правда, одна из них к спасению Михаила Ярославина отношения не имела. Дело в том, что Сангре задумал создать свою полноценную дружину. А что? Коль дело идет к долгой жизни в Твери, надо осесть в городе солидно, с должным размахом. Свою мысль он высказал другу. Мол, тем самым они выбьют из под ног Ивана Акинфича и иже с ним, лишнюю опору. Ведь сейчас он, напоминая князю при каждом удобном случае, что они – чужаки, не забывает тыкать пальцем и в их отряд. Мол, посмотри на их рожи. Один кривич, пара дреговичей, волынян да бужан, а остальные кто? Одни имена чего стоят – без чарки доброго меда и не выговорить. А учитывая, что пополнение составят практически одни тверичи, боярину крыть будет нечем.

Да и несолидно оно – отряд из двух десятков. Конечно, Сангре с Булановым пока не ближние княжеские бояре, но нужно работать на перспективу, а с таким количеством бойцов в большие авторитеты им нипочем не выбиться, и никакая шуба с кучей идей впридачу не поможет. За плечами надо иметь полсотни как минимум, причем с качественной подготовкой, на порядок лучшей чем у всех прочих.

Завершил он кратко:

– Итак, чтобы стать на один уровень с боярами, то бишь оказаться «в законе», нам срочно нужен спецназ.

Выслушав друга, Улан невозмутимо пожал плечами и принялся перечислять свои возражения. Дескать, идея-то хорошая, но дабы не разочароваться, следует помнить, что она – долгосрочная, поскольку полноценный отряд размером хотя бы в полсотню, а лучше – сотню человек, получится не ранее, чем через несколько лет. Во-первых, все хорошие воины давно разобраны. Во-вторых, под начало к безвестным чужакам они попросту не пойдут. Выходит, с каждым новичком, который подойдет по физическим параметрам, придется начинать работу чуть ли не с нуля. Какое уж там на порядок выше по качеству – как бы не наоборот. И он подвел итог: дабы ускорить дело, надо для начала самим получить известность в городе. Тогда и с набором станет не в пример легче.

– Известность... – задумчиво протянул Петр. – Морду что ли еще раз набить Акинфичу.

– Можно, конечно, – усмехнулся Буланов. – Но я имел в виду не такие скандальные способы. Ты все время забываешь, что мы – опера, некогда служили в МВД, то есть знакомы с правилами поддержания порядка и прочими премудростями отнюдь не понаслышке.

– А причем тут наше темное ментовское прошлое? – недоуменно нахмурился Петр.

– Да все при том же. Да, силы правопорядка здесь отсутствуют, верно, но преступления-то совершаются. Конечно, не в таком количестве, как в каком-нибудь дерьмократическом обществе, однако хватает.

– Точно, – загорелся Сангре. – И если предложить князю завести службу по охране правопорядка, красиво подав эту идею, притом сразу заявить, что берем ее на полное обеспечение, чтоб ему не думалось, чем расплачиваться с нанятыми людьми, думаю, он за такое ухватится. И какая разница, как эта служба станет называться: спецназ или ОМОН.

– Тогда уж скорее ОПОН, – внес поправку Улан. – Но растолковывать Михаилу Ярославичу что значит «полиция» будешь сам.

– Идет, – покладисто согласился Сангре. – Тем более, растолковывать не придется, ибо у нас будет... – он на секунду призадумался и выдал: – Отряд парней особой нежности...

По своему обыкновению, Петр не стал откладывать дело в долгий ящик, благо, у побратимов был повод появиться перед Михаилом Ярославичем на следующий день – подписать с ним ряд и дать торжественное обещание верной службы – своего рода присягу. Покончив с этим, Петр и выдал свое предложение взять на себя и своих людей нелегкую службу по наведению порядка на тверских торжищах.

– А какой вам с того прок? – внимательно выслушав его эмоциональное выступление (Улан предпочел помалкивать), осведомился Михаил Ярославич. – С серебрецом я ведаю, у вас хорошо, ажно завидки берут, впору самому на поклон идти и займы просить. Но в то, что вы никакой выгоды для себя тут не видите, мало верится.

– Есть корысть, скрывать не стану, – бесхитростно сознался Сангре и покосился на стоящего рядом княжича.

По счастью, кроме них в этой небольшой комнате находился только Дмитрий, а он явно им симпатизировал, следовательно, можно было попробовать сыграть в открытую.

– Вот смотри, что у нас пока получается, – и Петр, к ужасу Улана, принялся излагать те доводы, с которыми чуть раньше успел ознакомить друга.

Ужасаясь его нахальству, тот исхитрился переступить на месте таким образом, чтобы оказаться на полшажка позади, и неприметно для князя ущипнул побратима. Учитывая, что в комнате они были одни, совсем незаметно проделать это у него все равно не получилось. Но как ни удивительно, старания Буланова остановить Сангре сказались самым положительным образом на княжеском отношении к его откровенности.

– Молодец, гусяр! Не стал вашу с побратимом выгоду за душой таить, начистоту выложил, – похвалил Петра Михаил Ярославич. – Да и не вижу я ничего худого в вашем желании, как ты тут сказываешь, в первые ряды вылезти. Скорее, наоборот, рад. Стало быть, и впрямь собрались здесь надолго осесть. Опять же делом стремитесь оный почет заслужить. Сам я, признаться, проку в вашей затее не вижу – у меня на торжищах и без вас порядок, и народец всем доволен...

– То есть как не вижу?! – возмутился вошедший в азарт Сангре. – Какой порядок?! Просто твоя стража, или кто там за нее ответственный, ничего не говорит, вот и все. Но любимый город не может спать спокойно, а также есть и трудиться, пока все тати не получают заслуженные сроки. Факты буквально вопиют, чтобы ворюгам дали по рукам и другим чувствительным местам...

Очередная горячность стоила Петру нового щипка от друга, но он сумел сдержаться и преобразовать возмущенный вопль в сдержанное криканье.

– Да ты чего разошелся-то? – изумился князь, оторопевший от столь неожиданного натиска. – Кто там еще вопиёт? Сказываю ж, нетути у меня татей, давно повывелись. В лесах да, случается, пошаливают, но чтоб в самой Твери... Последних трех о прошлое лето поймали, и все. И потом опаска имеется. Ведь твои людишки не просто так по торжищам прохаживаться станут. Случись чего, они встравать обязаны, а ежели они, прикрываясь моим именем, недоброе творить учнут?

– В патруле три человека, княже, и маловероятно, что они вступят меж собой в сговор, поскольку состав тройки будет постоянно меняться – сегодня одни, а завтра другие, – вмешался Улан.

– Ну да, само собой, – подхватил Петр, но, видя колебания Михаила Ярославича, снизил планку запросов. – Но можно и иначе. Пускай они действуют от нашего имени, а уж мы по твоему поручению. Но тогда для нас самих надо какую-нибудь должностишку изобрести. Иначе те же купцы, да и обычные горожане пошлют наш патруль в случае чего, и все.

– Куда пошлют? – недоуменно нахмурился князь.

– Далекое, – торопливо встрял с пояснением Буланов, не на шутку испугавшись, как бы разгорячившийся Сангре, уже открывший рот, не успел в запале ляпнуть, куда именно.

– Ага, очень далеко, – подтвердил тот и благодарно покосился на друга – очевидно, и впрямь собрался сообщить точный адрес.

– А когда купцы тверское торжище на всю Русь прославят как самое справедливое и тихое, то и тебе от этого прямой почет, – перехватил эстафетную палочку Буланов.

– И не один почет, – вновь встрял Сангре. – К нему еще гривны добавь. Ведь когда такая слава о твоих торжищах пойдет, куда купец, если колеблется, торговать поедет, в Смоленск, в Тверь или *в Москву?*

Упоминание ненавистного города добило князя. Правда, положительного ответа друзья на свое предложение не получили, но и отказа не последовало.

– Надобно поразмыслить, посоветоваться, – уклончиво сказал Михаил Ярославич, а, отпуская их, не удержался, заметил, обращаясь к Петру: – Дивно мне. – И он удивленно покачал головой. – Вроде ты и прост, гусяр, весь как на ладони, а призадуматься – ох и хитер. Умеешь таковское ввернуть, чтоб за самое живое поддеть, – и он устало махнул рукой. – Ладно, ступайте, а я помыслю.

– Слушай, ты, чертов испанец! – устало сказал другу Улан, когда они выехали из терема. – Ты хотя бы изредка думай, о чем говорить и, главное, как.

– Ой, Уланчик, ну шо ты с меня хочешь? А если совсем нет времени для помолчать! И твой совет думать явно неуместен. Пока индюк думал, попугай нес всякую чушь, а в результате индюк в супе, а попугаи живут по триста лет. И потом, не забудь про мою чуйку. Князь – мужик прямой и в других любит то же. Уверен, теперь наша идея обязательно пустит корни в его голове. Осталось только унавозить почву, чтоб побыстрее прорастало.

– Что ты имеешь ввиду под унавоживанием почвы? – насторожился Буланов. – Новую аферу?

– Ни боже мой, – заверил его Петр. – Обычную наглядную демонстрацию неправоты Ярослава и все.

– А когда нам думать о том, как выручить князя в Орде?

– Возникновение свежей оригинальной мысли вовсе не зависит от наличия свободного времени, но исключительно от изобретательности серого вещества нашего головного мозга, если оно вообще имеется у человека. Вот у тебя оно есть? – Улан крикнул, проворчав в ответ, что ему хватает. – Стало быть, ты чего-то придумал? – не унимался Петр.

– Сдурел?! – возмутился побратим. – Когда?!

– Значит, имеется, но недостаточно, – сделал безапелляционный вывод Сангре. – Так, для поесть и для поспать, не больше.

– А как с твоим веществом? – коварно осведомился Улан.

– У-у, таки его у нас хоть отбавляй, – и Петр, перефразируя одного из киногероев, горделиво добавил: – И не такое уж оно серое, как у некоторых.

– То есть ты успел придумать?

– А то. Притом цельную хитроумную комбинацию, бьющую одновременно по нескольким слабым местам гражданина Узбека, хай ему грець.

– А как ты узнал про слабые места хана.

– Ты наш терем видишь?

– Конечно.

– Тогда потерпи чуток. Дойдем, сядем за вечернюю трапезу, скушаем кашки с грибами и селедочкой, и когда возьмем в руки кубки с медовухой, я тебе детально все поведаю. И ша, боле я говорить ни о чем не стану, поскольку вначале мне надо заглянуть к Горыне.

– А к нему-то зачем?!

– Прояснить кое-какие детали битвы под Бортневом, – загадочно ответил Сангре, чем окончательно поставил в тупик своего друга, недоумевающего, что общего между кузнецом,

его сестрой и княжескими портретами на печатях и золотой гривне. А уж детали битвы под Бортневым и вовсе ни в какие ворота.

– Вообще-то до вечера времени... – начал было Улан.

– Стоп! – осадил Сангре друга. – Я и сам вижу за солнышко, зависшее над нашими макушками. Но поверь мне, оставшиеся часы пролетят очень быстро и, шо главное, чрезвычайно увлекательно...

Глава 4

И мафия не бессмертна

Оказалось, Петру вдруг взбрело в голову непременно поучаствовать в закупке продуктов, и в тереме они пробыли всего ничего: успели лишь хлебнуть горяченького сбитня и прихватить кошель с серебром. Да еще Сангре переделся, надев самую невзрачную рубаху и серенький кафтанчик и заставив Улана поступить аналогично.

После этого они в сопровождении оруженосцев и телохранителей прямым ходом направились на торжище. Как глубокомысленно сказал Сангре, когда они вышли за ворота:

– Для предварительного ознакомления с будущим фронтом работ.

– Князь же нам отказал, – не понял Улан.

– Э-э, нет, – возразил Петр. – Правда, он пока не сказал и «да», но лишь из-за того, что ему кажется, будто на его торжищах и без нас полный порядок. А вот мне, успевшему не раз по ним прогуляться, так не кажется. Точнее, я уверен, что дела обстоят иначе и кое-где таки имеются отдельные редкие случаи повсеместного воровства и повального произвола. Говорить ему ничего не стал, поскольку реальные доказательства у меня отсутствовали, а потому наша сегодняшняя задача, не откладывая в долгий ящик, нарыть их.

Веселое настроение не покидало Петра весь недолгий путь до главного торжища. Было их несколько, ибо год от года все больше купцов катили в Тверь, но располагались они, согласно княжескому распоряжению, по большей части за городом. К примеру, торговцы мясом и рыбой обосновались чуть дальше городской пристани, почти возле реки Тверцы. По другую сторону городских стен было устроено место для приезжих крестьян, торгующих зерном, сеном и прочими излишками. Коней же продавали и вовсе в отдалении.

А самое главное торжище раскинулось на городской площади подле белокаменного Спасо-Преображенского собора. В основном на нем разместились иноземные купцы, прибывшие издалека и наперебой предлагающие дорогие диковинки, заморские ткани и прочее. Хватало и своих, отечественных, но торгующих мехами, оружием, седлами и прочим несъедобным и достаточно компактным товаром.

Окинув опытным хозяйским глазом расположившихся в живописном беспорядке «прадедушек» будущих ларьков и палаток, Сангре оживился еще сильнее. У Улана складывалось ощущение, что бодрое мельтешение продавцов и покупателей само по себе вдохновляет его. Радостно хлопнув друга по плечу, Петр заявил:

– А сейчас мы приступим к поиску татей, а проще говоря, жулья.

Он принялся озираться по сторонам, временами привставая на стременах, словно что-то выискивая. Так продолжалось минут десять. Наконец он загадочно произнес «Ага!» и, спешившись, принялся торопливо инструктировать Улана и Сниегаса с Кантрусом.

Оруженосцев он предусмотрительно решил оставить с лошадьми, поскольку Локису, да и Вилкасу будет тяжело просачиваться в такой толчее. Да и их суровая внешность, особенно первого, могла спугнуть предстоящую им, как он витиевато выразился, «охоту на волков».

– Держаться поодаль, а подойдете только по моему сигналу – поднятая вверх левая рука, – предупредил он напоследок Улана и ринулся вперед.

О том, что нужно приотстать на пару-тройку метров, Петр мог бы не предупреждать. Буланов и телохранители и без того не поспевали за ним, плавно скользившим между толпящимися покупателями и продавцами и ужом проскальзывавшим там, где прохода, казалось, и не было. Хоть бы вовсе из виду не потерять – и на том спасибо.

– Так и есть, дядю еще не успели «сработать», хотя все идет к тому. Значит, мы подошли вовремя, – удовлетворенно бросил Улану Сангре, резко остановившись. – Да не туда смотришь, – поправил он друга и легко кивнул вперед.

Улан присмотрелся. Дядя, которого должны были «сработать», стоял подле маленького прилавка с выложенным на нем товаром. Ассортимент – какие-то блеклые платки – оставлял желать лучшего как по качеству, так и по количеству. Зато хозяин прилавка с лихвой компенсировал недостатки товара своей говорливостью и азартом. Он настолько эмоционально уговаривал потенциального покупателя приобрести у него вон тот серый с краснотой платок, что даже молитвенно схватил обе его руки, нежно прижав их к своей груди. Захват был крепким, ибо не смотря на все потуги дяди – краснолицего мужика лет сорока, прибывшего, судя по внешнему виду, из какой-то деревни – выдернуть их не получалось.

В это время второй молодец, чем-то неуловимо похожий на продавца, приблизившись к ним и делая вид, что внимательно разглядывает выложенный товар, воровато оглянулся по сторонам и перегнулся через дядю.

– Иди себе, иди! – бросил ему псевдоторгаш. – Уже продано.

– Да мне б хотя бы вон тот платок, с синей каймой, – не унимался «покупатель» и правая рука его потянулась указать на платок, из-за чего он навалился на мужика еще сильнее. Все выглядело вполне естественно, если не принимать во внимание то малозначительное в общем-то обстоятельство, что левая рука жаждущего обрести платок украдкой скользнула по плотно стянутому вокруг талии кушаку краснолицего.

– Продано, сказываю! – орал продавец.

– Ну хошь глянуть! – умолял второй молодец и, небрежно бросив на прилавок кусочек серебра, заявил: – Плачу не торгуясь, – исхитрившись и схватив столь полюбившийся ему платок, он выпрямился и с довольным видом, на ходу разглядывая покупку, неторопливо направился дальше вдоль ряда с тканями.

Сангре небрежно бросил через плечо Улану:

– Мужика на контроль, чтоб далеко не ушел, а когда спохватится, снимешь показания с пострадавшего. И торгаша смотри не упusti. Он в сговоре.

– А ты куда?

Но ответа не последовало – Петр уже скользил вдогон за «псевдопокупателем». Они отошли не столь далеко, на каких-то десять метров, когда позади раздался истошный вопль мужика:

– Рятуйте, люди добрые. Кошель-то мой, кошель пропал!

Заслышав вопль, обладатель платка с синей каймой моментально свернул в сторону, меняя ряд. Тут-то Сангре и выставил ногу, уронив его на деревянную мостовую. Поначалу псевдопокупатель даже не понял, что именно произошло, но когда твоя рука оказывается на изломе и дернуться не моги, самый тупой догадается, что дело не в простом падении, а кое в чем похуже.

Как ни странно, задержанный особо не перепугался.

– Слышь-ко, – негромко окликнул он Петра. – Ты чо, сдурел? Али ты из новиков, не ведаешь, что я еще позавчера с Рубцом рассчитался? Нешто он про меня не предупреждал? Счас он прибежит и с дерьмом тя съест, так что отпускай подобру-поздорову.

– Ух ты! – восхитился Сангре. – Да тебе гусь не брат, свинья не сестра, утка не тетка. Тогда конечно, тогда боже ж мой, звиняй! И как я сразу не догадался. Ведь он же мне напомнил про какого-то Угрима, чтоб я его не трогал. И про... ах ты, дай бог памяти... про...

– Алырь, – подсказал тот, устав ждать, пока Петр вспомнит.

– Точно. И как я про такое говорящее имечко забыл⁵! Хотя погоди. Рубец сказал, что Алырь на пару со своим дружкой работает, как там его...

– Балудой звать.

– Ну да, Балуда, – подтвердил Петр, – на пару с коим ты, падла, вытираешь об Уголовный кодекс Тверского княжества свои дурно пахнущие ноги, тем самым гнусно оскверняя сей святой документ.

Потеряв к задержанному интерес – вроде все нужное узнал, – и не выпуская из захвата его руку, другой Сангре торопливо цапнул за грудки какого-то излишне любопытного зеваку в нарядной расписной рубахе.

– Стоять! – тот было дернулся, но вырваться не удалось. – Стоять, я сказал! – прикрикнул Сангре, предупредив: – А то сейчас будет как ему.

Он слегка надавил на руку задержанного, и Алтырь моментально взвыл от боли.

– Да я чего... – сразу заныл любопытствующий. – Я ж так токмо. Никого и не трогал вовсе.

– Зато все слышал, – жестко отрезал Петр. – Потому и пойдешь у меня видоком. Имя!

– Аноха я, – пролепетал тот, разом сникнув.

– Я запомню. И не вздумай улизнуть – на краю земли достану, – многозначительно пообещал Сангре. – Ну и вы, мальчиши-торгаши, тоже готовьтесь, – предупредил он ближайших купцов, чьи прилавки располагались по обе стороны от места задержания. – Товар пока соби-райте и тоже со мной. Думаю, трех свидетелей за глаза хватит.

– Эх ты, в лета вошел, а из дурней не вышел, – не сдавался Алырь. – Останний раз тебе сказываю – отпусти немедля.

– Ага, а я так и разбежался с Дерibasовской! – выдал загадочную фразу Петр.

– Супротив Рубца все одно – никто слова молвить не посмеет. Чай он в десятниках у самого князя ходит и тот иной раз ажно советуется с ним. Вот и рассуди, кому Михайла Ярославич поверит – ближнему своему, али тебе, новику глупому.

– Лишь бы у твоего Рубца отсутствовала депутатская неприкосновенность, как у наших воругов, – усмехнулся Сангре, – а касаясь ближних – не страшно. Мы у князя тоже не из дальних. Хотя... может и отпущу. Разумеется, если Михаил Ярославин повелит. Но это вряд ли. А ну-ка, веревку мне, да покрепче! – рывкнул он на собравшихся зевак.

Народ колебался, неуверенно переговариваясь между собой.

«Эва, какой лихой, – уловил Петр краем уха с одной стороны одобрителное. – Самого Рубца не испужался».

«Невесть кто, – бубнили с другой. – С таким свяжись, к завтраму на самого вервь накинута и в Тверцу спустят».

Но по счастью нашлись и те, кто готов был рискнуть. Раздвинув толпу, степенно вышел солидный бородач и протянул требуемое.

– Накась, – басовито прогудел он и прищурился, внимательно оценивая стоящего перед ним Сангре. – Ишь, каков, – вынес он наконец одобрителный приговор и предложил: – Подсобить?

– Коль не боишься, – улыбнулся своему добровольному помощнику Петр.

– Будя, отбоаясь, – отмахнулся тот и с силой надавил ногой на спину Алырю, перехватив у Сангре одну из рук татя и заламывая ее за спину. – Ежели бы поране на годок-другой – иное, – продолжал он негромко басить. – Тогда в мытниках Романец хаживал, а он безо всякого Рубца обходился, сам все имал. Ну а непокорных, стало быть, к ногтю, яко вшу. Ныне его не стало, так на тебе – Рубец объявился.

⁵ Мошенник, обманщик (ст. – слав.).

– Мафия бессмертна, – подвел итог Сангре. – Ну ничего, чай не при демократах живем, живо хребет бандюкам поломаем. А тебя как звать-величать?

– Нафаней батюшка нарек.

– О как! – восхитился Петр, ибо в памяти моментально всплыл персонаж мультика о приключениях домовенка Кузьки. – Был у меня когда-то такой в знакомых, и... тоже смелый, вроде тебя. Ну что ж, еще пяток таких помощников и мы всех рубцов с торжища повыведем.

– Дай-то бог нашему теляти волка задрати, – бодро пробасил Нафаня.

Сангре вовремя закончил вязать татя – пока затягивал последний узел, прибежал низенький пузан с удивительно тонким и звонким голоском. Судя по болтающейся сбоку сабле, это и был пресловутый десятник Рубец.

– Ты чаво тут порядки свои наводишь?! – злобно пропищал он. – И кто таков есть, что честной народ вязать удумал. Ну-ка, давай развязывай его немедленно.

– Тать он, – миролюбиво пояснил Сангре, нетерпеливо поглядывая по сторонам – где же Улан с остальными. – Взят с поличным. Вот, – и, подняв с земли, протянул платок с синей каймой, в который Алырь предусмотрительно завернул срезанный с кушака кошель.

– Не мой енто, – плаксиво протянул вор. – Откель взялся, не ведаю. Видать тута давно лежал, а он, – последовал кивок в сторону Петра, – решил, что мой.

– Слыхал, что тебе честный человек сказывает?! – завопил Рубец.

– Слушай, я таки не пойму, за что идёт наш нервный разговор? – ласково пропел Петр, радостно улыбнувшись при виде спешившего к нему со всех ног Улана. – Говорю ж, татя взял и почти с поличным.

– Остатний раз сказываю, развязывай его, не то... – и десятник с угрожающим видом ухватился за саблю.

Но из ножен извлечь ее десятнику не удалось – руку перехватил подоспевший Буланов.

– Ну, слава богу, – устало улыбнулся Сангре. – Я бы, конечно, и сам с этим Рубцом управился, но его ж тоже связать надо, а это в одиночку затруднительно. К тому ж у этого гаврика, раз он десятник, думаю, и подручные найдутся.

И как в воду глядел. На выходе с торжища их встретило пятеро стражников.

– Хватай их, робяты! – завопил мгновенно ободрившийся Рубец. – А лучше рубай сразу! Аль сами не видите – лихой народец с леса заявился, татьбу решил учинить.

Но тут вперед выступил Улан. Как всегда хладнокровный и невозмутимый, он буквально в нескольких словах описал случившееся и жестко предупредил, что тот, кто сейчас посмеет обнажить против них саблю, будет иметь дело с самим Михаилом Ярославичем. Вовремя упомянутое имя князя сыграло свою роль.

– Так ты не тать? – растерянно переспросил самый молодой.

– Тати кошели срезают, а не десятников вяжут. Да и к князю не ходят, во всяком случае, добровольно, – отрезал Буланов, – а мы как раз к нему идем. Сами. Если веры нет, пошли вместе...

Те нерешительно переглянулись между собой.

– Пошли, пошли, – прикрикнул Сангре.

...Когда Михаил Ярославич вышел во двор, Петр молча протянул ему срезанный у мужика кошель, завернутый в платок. Рассказывать о случившемся, согласно предварительной договоренности, принялся Улан.

Разбор длился недолго, от силы полчаса. И вот уже князь принялся выносить приговор:

– Этих в поруб, – распорядился он, указывая на обоих жуликов. – А тебя, Рубец... – он помедлил и внезапно повернулся к Сангре. – Как мыслишь, Петр Михалыч, какую казнь ему измыслить?

Тому жутко захотелось выдать нечто «одесское», просто язык зудел. Но понимая, что нельзя, ибо именно сейчас на кону стояла дальнейшая судьба будущего ОПОНа, он превозмог неуместное желание и с непривычной для себя рассудительностью сказал:

– Эти, – последовал легкий кивок в сторону уводимых жуликов, – просто тати. Промышляли себе помалу трудом несправедным, людишек честных обворовывая, но твоего имени не марали. С Рубцом иное. Он у тебя на службе состоял, гривны за нее получая, но имя твое в грязи вымазал. А слух о том не по одной Твери пойдет. У тебя торжище богатое, вся Русь съезжается, да и иноземцев хватает. Выходит, он перед всем миром честь твою поправил. И если простые тати поруб заслужили, народу пакостя, то во что твою честь оценить, не мне, но тебе самому решать.

Михаил Ярославич озадаченно посмотрел на Петра, словно впервые видел его. Во дворе повисло тягостное молчание.

– Что ж, быть посему, – согласился он и молча кивнул, после чего по-заячьи верещащего и отчаянно упирающегося Рубца куда-то поволокли два дюжих человека – оба в красных рубахах и с засученными по локоть рукавами. Впрочем, визжал десятник недолго – от силы минуту. И все.

«Как отрезало, – невольно мелькнуло в голове у Сангре. – Хотя, наверное, и правда... отрезало».

– Далее что поведает? – пытливо прищурился князь и, видя недоумение, пояснил: – Я к тому, как с людишками из его десятка поступить? Они ж вроде в его пособниках хаживали, стало быть тоже мою честь в грязи топтали.

Петр покачал головой, про себя решив, что на сегодня одной смертной казни достаточно. Нет, он не пожалел Рубца и, повторись последние десять минут, сказал бы то же самое, ибо был твердо уверен – с государева человека спрос должен быть как минимум двойной. Но это когда вина доказана. А с этими вояками, сбившимися в тесную кучку, пока далеко не все ясно. Следовательно...

– Сам говоришь – вроде. Выходит, нет в тебе уверенности. А вдруг кто неповинный и ни в чем таком участия не принимал? Сутки. Дай мне всего сутки, – попросил он, но тут же понял, что этого времени для детального опроса народца на торжище может оказаться маловато.

Он с надеждой оглянулся на Нафаню, прикидывая, насколько эффективна может оказаться помощь этого бородача. Нет, навряд ли удастся уложиться.

– Не маловато запросил? – очевидно, и князь подумал о том же.

– Ну, коль не жалко, подкинь пару дней, – с облегчением улыбнулся Петр.

– Что ж, быть посему, – согласился Михаил Ярославич, вставая. – Но через три дни жду ответа, а пока... в поруб их всех, – распорядился он. – И в колодки забить.

Скользнув напоследок беглым взглядом по лицам бывших блюстителей порядка, Петр остановился на умоляющих глазах самого молодого. Крякнув, он негромко произнес:

– Может, стоит вначале агнцев от козлищ отделить, как Библия советует.

– Вот ты мне их сам и отделишь через три дня, как посулился, а пока пущай вместих побудут, – не задумываясь, отверг его завуалированную просьбу князь. – Ништо. Невинным, буде такие сыщутся, тоже польза – воочию узрят, что их ждет, ежели наперед забалуют.

Князь махнул рукой, давая понять, что суд окончен и все свободны.

«Конвой тоже свободен, – почему-то припомнился Петру очередной эпизод из кинокомедии и он направился к Улану и стоящим подле телохранителям и оруженосцам. Остановило его достаточно громкое и явно нарочитое покашливание. Он обернулся. Михаил Ярославич стоял, всем своим видом давая понять, чтобы тот подошел поближе. Пришлось возвращаться. Остановившись в метре от князя, он вопросительно уставился на него.

– И сызнава ты меня удивил, – честно сознался князь. Помедлив, он сам сделал шаг вперед, подойдя вплотную, да и голос понизил на полтона, чтоб никто не мог услышать. – Вот с

товарищем твоим все просто. А ты... Уж больно много всего в тебе намешано, вот и не разберу никак, – и он обескуражено развел руками. – Эвон, до чего дошло – хотел подозвать, а как правильно – теперь уж и не ведаю: то ли в гусярах оставить, то ли и далее Петром Михалычем кликать.

– Да хоть чугуном назови, только в печь не ставь, – улыбнулся Сангре, осведомившись. – А как насчет утренней просьбы?

– А не выйдет такого, как с Рубцом? Я не про тебя с побратимом, но об иных прочих, коих вы с ним наберете...

– Потому и предлагаю: мы действуем от твоего имени, а все прочие – от нашего. Они провинятся – с нас спрос, не с тебя, ну а если мы сами мзду брать станем, тогда снимай наши головы.

– Не боишься? – хитро прищурился Михаил Ярославич.

– Ошибку могу допустить, – пожал плечами Сангре. – Конь о четырех ногах и то спотыкается. Но чтоб княжье имя в грязи испачкать... – Он медленно покачал головой.

– А ежели те, кои от твоего имени судить-рядить учнут, твое имечко в грязь обронят? Или у тебя за свою честь опаски нетути?

– Есть. Но коль торговый народец нам верить будет, они ж вмиг ко мне с побратимом ринутся. Вот и конец нечистому на руку.

– Ишь ты, – покрутил головой Михаил Ярославич. – Ну что ж, подбирай людишек. Токмо чтоб на рожу страшными не были, а то, – он поморщился и кивнул в сторону нетерпеливо переминающегося с ноги на ногу Локиса. – это ж страх господень.

– Поверь, княже, любая образина может стать образом, если её слегка преобразовать... – весело ухмыльнулся Сангре и, умиленно прижимая руку к сердцу, певуче протянул: – Зато душа у него нежная, как цветок.

– Сызнова ты за свое... гусярское, – крикнул, то ли упрекая, то ли просто констатируя, князь, и обреченно махнул рукой. – Ладно, ступай.

– Имей ввиду, набор будущих стражей правопорядка на тебе, – проворчал на обратном пути к своему терему Улан. – Я в кадровики не гожусь. И вербовка осведомителей тоже полностью на тебе.

– Само собой. Здесь же бабушки, дедушки и прочий твой контингент отсутствует. А с купцами иноземными мне Яцко пообщаться поможет. Но имей в виду – это настолько хлопотно и трудоемко, что кроме проверки рыночных дежурств меня ни на что не хватит, то есть с тебя организация всего учебного процесса – имеется ввиду рукопашка, арбалет и общая физическая подготовка. А главное – разработка подробных инструкций на все случаи жизни.

Улан скривился – вот же зараза, всегда найдет, как выкрутиться, чтоб взвалить на него, бедного, львиную долю работы. Но деваться было некуда, и он нехотя кивнул.

Глава 5

Идея с хвостищем

Соленые грибочки, поданные Заряницей на ужин в числе прочих блюд, оказались выше всяких похвал. Остальное тоже. Впрочем, как и всегда. С трудом пропихивая в себя последний кусок копченой буженинки – не оставлять же такую вкуснятину в тарелке – Сангре довольно откинулся на стуле и, ласково погладив заметно увеличившийся живот, по счастью, спустя час пока еще принимавший обычные размеры, заявил:

– Если и дальше в таких количествах лопать, я скоро только боком в дверь пролезу. А может и нет. И выходов вижу два. Первый: сесть на диету и второй – расширить дверной проем. Учитывая неимоверную вкуснотищу блюд нашей дорогой домоправительницы (та моментально зарделась от смущения) на днях придется заняться дверным косяком. Причем поручить его переоборудование нашему дорогому Горыне. Это, конечно, не матрешка, но судя по его вчерашним бодрым обещаниям, даденным князю, я полагаю, он таки справится. Как думаешь, Заряница?

Девушка, не всегда понимающая витиеватый юмор Петра, и на сей раз подошла к его шутивому вопросу вполне серьезно, принявшись взахлеб рассказывать, каким бодрячком выглядит ее братец после встречи с Михаилом Ярославичем. Эвон, даже новую солонку-куколку успел вырезать, хотя взялся за нее лишь нынче утром. Да какая красивая получилась, прямо на загляденье.

И в качестве наглядного доказательства, торопливо метнувшись наверх, вынесла новую, пахнущую свежей древесиной липовую фигурку, полую внутри.

Сангре задумчиво повертел ее в руках и внезапно подметил существенное отличие от предыдущей. Если у той были обычные стандартные черты лица, то нынешняя...

– Я конечно могу ошибиться, но сдается, это уже не матрешка, – констатировал он. – Ну-ка, старина, взгляни на нее и скажи мне, как художник художнику, на кого она похожа, – и он пододвинул ее Улану.

Тот внимательно рассмотрел фигурку и улыбнулся, передав обратно Петру:

– А чего смотреть. Сразу видно – копия сестрицы.

– Да ну! – не поверила девушка, выхватила из рук Сангре будущую солонку и, нахмурившись, уставилась на нее. – Взаправду схоже, – удивленно протянула она.

– Потому и красивая получилась, – улыбнулся Буланов.

– Скажете тоже, Улан Тимофеевич, – вспыхнула Заряница и щеки ее зарделись нежным розовым румянцем. – Нешто я...

– И не спорь, – наставительно сказал Сангре. – Тебе бы еще лапти на шпильках и мини-сарафан с декольте поглубже, вообще бы цены не было.

Цвет щек у девушки мгновенно сменился с розового на пунцово-красный. Хотя она вновь толком не поняла слов Петра, но по тону догадалась – это похвала. Окончательно засмутившись и торопливо пробормотав, что брат не покормлен, Заряница опрометью ринулась к лестнице.

– А ведь это знак, – продолжая крутить в руках матрешку, неожиданно выдал Сангре. – И добрый знак.

– К чему?

– К началу внедрения моей идеи в жизнь.

– Кстати, ты так до сих пор и не рассказал мне, в чем она заключается, – напомнил Улан.

– Мне уйти? – обреченно осведомилась Изабелла.

Буланов жалобно посмотрел на друга.

– Да нет, – вздохнул тот. – Согласно моим расчетам в будущей комбинации придется задействовать всех, в том числе и... – не договорив, он выразительно покосился на испанку.

Та благодарно улыбнулась в ответ.

– А не опасно? – нахмурился Улан.

– Ерунда, – отмахнулся Сангре. – Но вначале повторюсь. Итак, нашему князя предъявят в Орде три главных обвинения: зажуленные гривны, усопшую сестру Узбека и обиду, нанесенную ханскому послу. Так? А теперь, Уланчик, выдай мне какая, на твой взгляд, из трех предъяв станет решающей в вынесении смертного приговора.

Буланов задумчиво взял в руки оставленную Заряницей на столе матрешку и принялся рассуждать. Как всегда, его логика выглядела безупречно, ибо каждое предположение он неизменно подкреплял фактом. Говорил неторопливо, рассудительно, но лаконично, и через пяток минут подвел итог: главной остается смерть сестры Узбека. Но сделав сей вывод он внезапно помрачнел и угрюмо проворчал:

– А мы с тобой расследование ее гибели... – не договорив, он умолк.

– Не будем о грустном, – ободряюще заявил Сангре. – Оно в прошлом, а шагать по жизни с повернутой назад головой чертовски неудобно, но главное – не видишь кочек впереди, а потому недолго споткнуться. Я ведь к чему попросил тебя выдать сей расклад. Хотел окончательно убедиться в том, правильное ли я направление выбрал. Получается, самое то. Плевал ордынский хан на зажуленные гроши, и что его послу по сопатке настучали – тоже терпимо. А вот когда речь о личном зашла – его задело и самолюбие звыграло не на шутку. Отсюда вывод: наш контрудар должен касаться исключительно личного. То есть требуется как следует ухватить за вымя несоразмерно раздутое самолюбие Узбека, и выжать из нее всю желчь пополам с дерьмом, предварительно направив соски в сторону Юрия Даниловича.

Буланов укоризненно кашлянул, выразительно посмотрев в сторону слегка покрасневшей Изабеллы.

– Ты бы того, выбирал выражения, – попенял он другу. – К тому же из вымени обычно молоко выжимают, если уж на то пошло.

– Я уже привыкла, – кротко заметила испанка.

– Видишь, она привыкла. А что до молока, то оно у коровы, потому как та – очень полезное домашнее животное. А из вымени ордынского хана может вылезти... – Петр покосился на испанку и сформулировал помягче, – исключительно соответствующий его гнусной сущности продукт. Но хватит о фекалиях и перейдем к сути. – И он неожиданно замолчал, потирая переносицу.

Воцарилась тишина. Оба ждали продолжения, а оно никак не наступало. Наконец Сангре крякнул и заявил:

– Нет, ребята, так я излагать не могу. Мне нужен простор.

С этими словами он вскочил со стула и принялся расхаживать по комнате, на ходу излагая историю зарождения своей «гениальной» идеи.

Впервые она забрезжила в его голове во время княжеского визита, когда он смотрел на наградную гривну на груди Кириллы Силыча и изображенный на ней портрет Михаила Ярославича. Но это были пока лишь неясные туманные очертания, не более. Зато когда он бросил случайный взгляд на матрешку, вырезанную Горыней, туман стал сгущаться, обретая форму.

Утром к нему подошла собравшаяся на торжище Заряница и, немного смущаясь, впрочем, как и обычно в таких случаях, попросила немного серебра. Петр полез в шкатулку, небрежно зачерпнул горсть серебряных монет и высыпал ей в ладони. Однако девушка, немного полюбовавшись ими, неожиданно протянула пять штук обратно, попросив заменить.

– Ты бы лучше новгородские гривенки дал, а эти побереги – уж больно баские⁶, жалко, – простодушно пояснила она причину.

Сангре недоуменно посмотрел на них, хотел бросить в шкатулку, но так и застыл, продолжая держать в открытой ладони, ибо в этот самый миг идея окончательно созрела и выпрыгнула наружу. Но он честно и добросовестно продержался до вечера, предвкушая час своего торжества.

– А теперь смотрите внимательно, – произнес он, извлек из кармана десяток монет и выложил их на стол. – Что мы видим?

– Обыкновенные деньги из разных стран, – и Улан недоуменно пожал плечами, ожидая продолжения.

– А поконкретнее?

Улан пожал плечами, но слово взяла Изабелла.

– Эта французская, турецкий грош, ее еще называют турнозой, – она отложила в сторону монету с крестом и потянулась за другой. – Пражский грош, – последовал вскоре уверенный вердикт. – С краю лежит английский гроут. Остальные чеканены в итальянских городах. Этот, с Христом, самый первый дукат, пока серебряный. Тогда еще Сицилийское королевство герцогством было.

– Ты так хорошо разбираешься в истории монет? – удивился Сангре.

– Да нет, – пожалла она плечами. – Просто надпись латинскую прочла. *Sit tibi Christe datus, quern tu regis iste ducatus*. Это герцогство, коим ты правишь, тебе, Христос, посвящается, – процитировала она, пояснив: – Думаю, от последнего слова и пошло название самой монеты, ну а последняя...

Она прищурилась, вглядываясь в причудливую загадочную вязь на самой маленькой монетке, и через минуту неуверенно произнесла:

– Хуллиде мулькуху – да будет вечно его правление. Это по-арабски. Скорее всего, ее изготовили в Орде, я во Владимире-Волынском видела похожие. Но имя стерто, и кто ее выпускал – непонятно.

– И зачем нам сей загадочный экскурс? – осведомился Улан.

– Для наглядной демонстрации, – пояснил Петр. – А теперь итог. Во всех странах-государствах чеканят свои монеты, включая какие-то паршивенькие герцогства. Даже отдельно взятые города зачуханной европы от них не отстают. Да что о них говорить, коль дикая кочевая Орда, согласно утверждению нашего многоуважаемого эксперта, ухитрилась наладить в некоем задрипанном чуме их выпуск. А у нас на Руси собственных монет до сих пор не имеется.

– Почему же, – возразила Изабелла. – В том сундучке, что я передала в качестве первого взноса за своего кузена, было несколько сребреников правителей Руси. Кажется, одного из них звали Владимиром. Да, точно. Я даже надписи помню: «Владимир, а се его сребро». И другую: «Владимир на столе». И насколько я помню, выглядели они ничуть не хуже этих, – кивнула она на лежащие монеты, – а может, и лучше.

– Владимир, а се его сребро, – просиял Петр. – Так-так. А еще он на столе, проказник! Ну что ж, теперь я точно могу сказать, что лед тронулся, господа присяжные заседатели, лед тронулся! – и он вновь забегал по комнате, старательно потирая переносицу.

– Какой лед? – изумилась Изабелла. – Май на дворе.

– Ну да, – согласился Сангре, не останавливаясь и продолжая блуждать из угла в угол. – Этот май-чародей, этот май-озорник.

Улан было подпер кулаком подбородок, настроившись на долгое ожидание, но Петр внезапно остановился и сказал:

---

⁶ Красивые (ст. – слав.).

– А теперь суть. Вопреки обыкновению, буду краток: мы изготавливаем монеты. Разумеется, тайно. Весом, ну-у скажем в одну десятую гривны, чтоб получилась не очень тяжелая, граммов двадцать. И назовем ее...

– Гривенник, – подсказал Улан. – Я слышал, была раньше такая.

– Точно, – согласился Петр. – И изобразим на них князя на коне, с копьем в руке, пронзающего змея.

– Вообще-то такое больше подходит москвичам, – возразил Улан. – Это ж у них князя Юрием звать, то бишь Георгием, а Твери больше подойдет изображение Михаила-архангела.

– Никакого Михаила! – забраковал его предложение Сангре. – Только Юрий, ибо именно его мы этой монетой и подставим. Дело в том, что на лбу у змея будет красоваться полумесяц, а Георгию-победоносцу во вторую свободную руку вложим крест.

– То есть христианство в его лице протыкает всех мусульман как подлую гадюку? – мгновенно сообразил Улан.

– Правильно, Ватсон. Узбек у себя в Орде как раз пинками загоняет весь народ в ислам и мимо наглого издевательства над новой верой пройти не должен. Но на всякий случай, чтоб точно задеть хана за живое и трепещущее, на обороте изобразим все того же князя, гордо восседающего на своем троне, в короне с крестом по центру. А перед ним на коленях хан Узбек в чалме, склоненный мордой к княжеским сапогам. Само собой, на чалме разместим полумесяц. Ну и надписи соответствующие. Вверху название монеты: «гривенник», а внизу «Се Юрий Данилович, великий князь всея Руси». А там, где он на лошадке, попроще: «Юрий, а се его сребро». Или нет, посмачнее: «Святой Георгий, помоги одолеть поганых».

– А потом с ними в Орду? И ты полагаешь, Узбек или его советники проглотят такую нахальную подставу? – скептически заметил Улан.

– Если действовать напрямую, конечно, догадается! – фыркнул Петр. – Что он, совсем дурак? На хитрое седалище Узбека нужен не простой болт, а с резьбой. Поэтому две наших дамы выедут с новыми денежками и под надежной охраной в Москву. Для начала Изабелла, владеющая иностранными языками, пройдет по тамошнему торжищу, прицениваясь к товарам, но преимущественно заводя разговоры с купцами-иноземцами и выясняя их дальнейшие планы. Задача: установить, кто именно почти распродал товары и в ближайшее время поедет обратно, причем с заездом в Орду. Ее будет сопровождать загримированный Яцко с повязкой на одном глазу. На следующий день эстафету примет Заряница. Яцко – но уже в своем натуральном виде – будет незаметно показывать ей, у кого покупать, и она, представившись, – он почесал затылок, нетерпеливо прищелкнул пальцами и просиял, – мамкой или нянькой княжны Софьи Юрьевны, то бишь дочки московского князя, станет приобретать товары, расплачиваясь исключительно новенькими монетами. Задача: промотать ну-у, скажем, двести, триста, а лучше пятьсот наших гривенников. Кстати, на местных купцов и даже на простых людей, ну-у, там при покупке провизии на дорогу, тоже надо истратить не меньше сотни, чтоб денежки и после нас по Москве гуляли.

– А коль спросят, где взяла?

– Ответит. А если не спросят, сама должна обмолвиться, что княжна, пользуясь отсутствием своего батюшки, стянула их из его шкапулки. Ну и похвалить, вот мол, какая бедовая растет.

– Не пойдет, – после недолгого раздумья забраковал Буланов. – Опасно очень. А если ее и Изабеллу княжны слуги прихватят?

– Не успеют, – отрезал Сангре. – Изабелла вообще исчезнет из Москвы поутру, то бишь до начала закупок. А касаясь Заряницы... Она станет разбрасываться грошами ровно полдня – с утра и до обеда, а потом тоже фьют, и исчезла.

– Все равно надо разработать подстраховку.

– Само собой. Мы ж и сами там будем – как же без руководителя и организатора. Светиться особо не станем, но если что – выскочим как двое из ларца, неодинаковых с лица, и... Ну ты понял.

– Так бы и сказал, – облегченно вздохнул Улан. – Хотя риск по любому имеется. Сам подумай. Слух о новых монетах пойдет по Москве сразу, в тот же день.

– Но среди простого люда, – уточнил Петр. – А народ в политике ни ухом, ни рылом, а потому станет не удивляться, а восхищаться. Вот, мол, князь у нас какой смелый, ничего не боится! Как он лихо этих поганых басурман! А пока монеты дойдут до бояр, не говоря про княжеский терем, да те спохватятся, пройдет минимум день, а то и два-три. Кроме того, можно и при выезде следы запутать. Но это все на крайняк. Не должны они так быстро организовать розыск. И плана перехвата у них нет.

Улан взял со стола и взвесил в руке одну монету, другую, третью...

– Не очень тяжелая, говоришь, – задумчиво протянул он. – Не сразу обратят внимание... А я сомневаюсь. Тут все монеты от силы граммов по пять, если не меньше, а наши гривенники – двадцать. Значит, их придется делать либо гораздо толще, либо больше по диаметру, и оно сразу бросится купцам в глаза. Делай выводы...

Сангре потер переносицу в поисках выхода и предложил:

– Тогда уменьшаем вес вчетверо, чтоб они сходились по габаритам.

– Получается одна сороковая часть гривны, и название надо менять, – предупредил Улан.

– Подумаешь! Кликуху славать – пара пустяков, – отмахнулся Петр.

– Что сделать? – растерянно переспросила Изабелла.

– Название придумать, – пояснил Буланов, укоризненно покачав головой. Мол, думай, что при ком говоришь. Но Петр, не обращая на это ни малейшего внимания, торжествующе заявил:

– Уже откопал! Раз сороковая, так и обзовем ее сорокой.

– Ну хорошо, с габаритами решили, а как быть с Юрием? Надо ж не просто написать его имя, но и самого изобразить, чтоб был похож.

Сангре вместо ответа небрежно пододвинул поближе к Улану новую матрешку.

– Как тебе мастер? Годится? – с торжествующей ухмылкой осведомился он. – Я первоначально мыслил другого человечка задействовать, который чекан для печатей на наших грамотах смастерил, где Михаил Ярославич во всей красе сделан. Но Горыня еще лучше. Получается, в своем кругу, келейно.

– Но это он Заряницу, сестру изобразил, а она постоянно перед его глазами. Юрия же он... – подала голос Изабелла.

– Видел, – бесцеремонно оборвал ее Петр. – В битве под Бортневом тот самолично московскую конную рать на полк тверских пешцев повел. И скакал впереди всех, разве что не с копьем, а с мечом в руке, но это детали. Горыня мне о том в ту ночь рассказал, когда я тебя выручать собрался и во флигельке ихнем отсиживался. Судя по его рассказу, сам князь где-то в двадцати сажнях левее от него был, схлестнуться не получилось, но когда тот еще скакал на них, он очень хорошо запомнил его лицо и прочее.

– Полгода с того времени прошло – мог и забыть, – не унималась испанка.

– Для того я сегодня перед ужином к нему и заглянул, – пояснил Сангре. – Мол, как? А он ответил, что у него и посейчас перед очами, как битва, так и княжеский лик. Да и не надо нам фотографического сходства, рожа как рожа. Главное, чтоб там какая-нибудь специфическая деталька присутствовала, а она имеется – рыжие кудри, развевающиеся на ветру.

– Да какие там кудри, – пренебрежительно отмахнулся Улан. – Я его тоже помню: сосульки сплошные.

– А ты поскитайся по лесам пару-тройку суток как собака, от погони спасаясь, и твой причесон в сосульку превратится, – парировал Петр, но, покосившись на коротко стриженного друга, поправился: – А впрочем, твоим волосам это не грозит. Да и моим тоже.

И действительно, хотя они и не оболванивались так коротко, как многие в эти времена на Руси, чуть ли не под бокс, но и не забывали подстригаться, помня о полицейском прошлом. Да и бородаки с усами периодически подравнивали.

– Хорошо, с Юрием ясно. А как быть с лицом Узбека? – вновь подала голос Изабелла.

– А никак, – беззаботно пожал плечами Сангре. – Главное, нарядные одежды и чалма с полумесяцем, а его морду мы развернем в профиль, и тогда особого сходства не потребуется. Достаточно короткой бородачки – есть она у него, я узнавал, и шнобеля с легкой горбинкой, да еще перстня с крупным камнем на левой руке. О нем мне Кирилл Сильч как-то рассказал. Дескать, хан с ним никогда не расстается. Ах да, этой же рукой с перстнем он будет протягивать к ногам князя свой символ власти – девятихвостый бунчук.

– И что по твоему плану следует дальше? – осведомился Улан.

– Финал. Согласно моему раскладу, Михаил Ярославич под предлогом, что у него кончились привезенные гривны, пойдет их занимать, разумеется, у купца, с которым ранее дамы расплатились нашими монетками. Ну и прямо на месте, в его чуме, станет их осматривать. Мол, не фальшивые ли, а, обнаружив сороки, поднимет шухер до небес.

– Что поднимет? – переспросила Изабелла.

– Шум-гам, – нашелся Петр, но в ответ на очередной укоризненный взгляд друга, буркнул: – И что мне теперь в присутствии нашего судмедэксперта: ни вздохнуть, ни... гм... кашлянуть?! Ты бы лучше потихоньку доводил до нее специфику воровского жаргона, и сразу стало проще бы вести гламурные разговоры в наших изящных кулуарах.

– Перебьешься, – проворчал Улан. – Лучше скажи, а если твои сороки у купца не обнаружатся? К примеру, тот, обнаружив такое богохульство...

– Если точнее, то аллахохульство, – поправил Сангре.

– Неважно. Так вот, если он сам ранее, разглядев монеты, возьмет и переплавит их от греха подальше, либо расплющит, либо кому-нибудь перепродаст или, на худой конец, попросту спрячет в потайное место.

– А страховка для чего? У этого не найдется, ко второму пойдем, – невозмутимо пожал плечами Петр. – Мы ж не меньше десятка человек нашими сороками наспигуем.

– А если они все сообразят? Небось не слепые, и головы работают будь здоров. Тупых купцов вообще не бывает.

– Именно потому надо всучить их не просто иноземцам, собирающимся в Орду, но тем, кому аллах с его исламом и Магометкой по барабану, чтоб у них и мысли про кощунство не возникало. То есть нужно прояснить вероисповедание купцов до покупки, во время предварительного сбора данных, и отобрать евреев, буддистов, даосистов и... прочих систов. Хотя нет, – подумав, сделал он оговорку. – Паре-тройке мусульман все равно их впарим.

– Зачем?

– Сам говорил, что в эти времена, в связи с отсутствием дипломатов, каждый второй купец, как правило, лазутчик, а каждый первый – стукач. Вот пускай и первый и второй одновременно заложат Юрия со всеми потрохами в надежде на ханскую награду за бдительность. Кстати, для нас сей вариант еще выгоднее, поскольку Ярославич вообще остается не при делах. – Он перевел дыхание и нетерпеливо поинтересовался: – Ну? И когда ты начнешь тыкать меня мордой в мои промахи? Долго мне дожидаться очередного суда Линча?

– Ты и впрямь изменился, – медленно произнес Улан. – Еще год назад, уверен, ты оставил бы столько огрехов, что ой-ей-ей. И там не предусмотрел, и здесь недоглядел, и то упустил. Сейчас же ты влет нашел ответы и я... – Он обескуражено поднял вверх руки. – Сдаюсь.

– И я преклоняюсь перед мудростью дона Педро. Браво, брависсимо, кабальеро, – присоединилась к нему Изабелла.

Сангре восторженно присвистнул и шутливо выпятил вперед грудь.

– Ай да Петруха, ай да сукин сын! – завопил он, но едва уgomонившись, с коварной ухмылкой заявил: – А я, кстати, еще одну подстраховочку придумал. На всякий случай. Считайте, что это своего рода небольшой хвостик моей предыдущей идеи. Вдруг, по закону подлости, и правда ни у одного из купцов-буддистов наших монет не найдется, а мусульмане побояться сдавать князя, опасаясь навлечь ханский гнев и на себя. Возможно же такое, верно?

– Вообще-то да, – согласился Буланов. – Вероятность невелика, но имеется.

– Во-от, – протянул Сангре. – А тут хвостик и вильнет, подсказывая, где собака порылась. Только вначале скажи мне, после того как Михаила убьют, Узбек не пошлет на Тверь татарские тумыны?

Изабелла уставилась на Улана.

– Снова вещий сон? – перешла она от волнения на шепот.

Буланов тяжело вздохнул, но Петр ответил за него, торопливо пояснив не в меру любознательной испанке:

– Нет, это была концовка того самого сна, где он увидел гибель тверского князя.

Улан кивком головы подтвердил слова друга и буркнул:

– Не пошлет.

– Отлично, – возликовал Петр. – Тогда дело в шляпе. Я, правда, не все детали продумал до конца, но в целом суть такова. Наш Кирилла Силыч или неважно кто из тверских бояр, отправившись вместе с моими молодцами в южные леса для изничтожения разбойничьей шайки, совершенно случайно перехватит тайного гонца, везущего секретное письмо от литовского кунигаса. Догадайся с трех раз: кому именно он его адресует?

– Ну ты и... – восторженно прошептал Улан, мгновенно уловив суть подстраховочки.

– Правильно, – согласился Петр, – московскому князю! Причем не простое письмо, но якобы ответ на послание Юрия Даниловича, чтобы нам не подставлять самого Гедимина. Содержание текста я тоже в общих чертах продумал...

Сангре прошелся еще разок по комнате, остановился посередине и молча уставился на друга.

– Ну же, не тяни! – поторопил его Улан.

– А говорить в нем будет следующее, – принялся неторопливо рассказывать Петр, смакуя сладостные мгновения абсолютного триумфа. – Первым делом Гедимин ответит на просьбу Юрия отдать ему в жены одну из своих дочерей. Мол, я тебе отказывать не собираюсь, но не слишком ли ты торопишься? Ведь недавно свою предыдущую жену похоронил, так выжди хотя бы несколько месяцев ради приличия.

– Да уж, – протянул Улан. – Для хана это такая пощечина...

– Скорее, апперкот, – невозмутимо поправил Сангре. – А далее второй смачный плевок в рожу Узбека. Дескать, ты сообщаешь, что хан ныне на Литву сердает, а потому лучше объединиться загодя. За упреждение благодарствую, но ты ж сам мне писал, сколь непостоянен Узбек и вечно мечется из стороны в сторону. Стало быть, его обида, может статься, скоро пройдет сама по себе. А вот слова твои, что ордынский хан тупоумен и одолеть его легко, неверны. Силы у него огромные. Так что в тайный союз с тобой против Орды я вступать воздержусь, ибо не ведаю, сколь крепка твоя дружина.

Давай лучше поначалу сходим вместе в поход на Тевтонский орден, пощиплем крестоносцев и ты мне на деле покажешь, чего стоят твои молодцы, коих ты столь горячо расхваливал в своей грамотке. Ежели увижу, что они и впрямь хороши, тогда и поглядим.

– А не получится, что Узбек, озлившись, поведет татар на Русь, пускай и на Москву? – задумчиво осведомился Буланов. – Князь, конечно, подлец, но и сознавать, что мы сами стали причиной очередного...

– Стоп! – остановил его Сангре. – Я и об этом подумал, почему предварительно и спросил тебя насчет Твери. Ты ответил, что никакого похода не было. Получается, Узбек, убив тверского князя, тем самым полностью удовлетворил свое самолюбие и к его княжеству никаких претензий предъявлять не стал. Но ведь и тут возникает точно такая же ситуация, в смысле, исключительно личные разборки. Следовательно, в ответе один Юрий Данилыч, а он под боком, бери его за кукан и на цугундер.

– За что бери и куда? – переспросила Изабелла.

– Значит так, Уланчик, – прошипел Сангре, недовольный тем, что его перебили не по делу. – Если ты в срочном порядке не возьмешься за обогащение словарного запаса нашего судмедэксперта, этим займусь я со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тебе перечислить, чему я ее научу?

– Я сам, – торопливо сказал Буланов.

– То-то. И тогда я заканчиваю, причем на мажорной ноте, предлагая присутствующим на краткий миг представить, как элегантно и точно эта грамотка-ответ совпадет с нашими сороками. Более того, вполне достаточно и ее одной, в случае если по каким-либо причинам монетки не работают.

– Да уж, – согласился Улан. – За глаза хватит, – и с усмешкой поинтересовался: – А тебе Юрия Даниловича совсем-совсем не жалко?

– Понимаешь, – вздохнул Петр, – с одной стороны московский князь тоже тварь божья, но припомнив твой же рассказ, как он торговал мертвым телом своего врага, прихожу к непреклонному выводу, что он таки просто тварь. Без всяких прилагательных. Или ты не согласен?

– Полностью, – твердо ответил его друг. – Ну а если Гедимин от всего откажется и обнаружится, что эта грамотка – всего-навсего подделка. Тогда подозрение сразу падет на Михаила, ибо...

– Не получится, – перебил Сангре. – В таких вещах рисковать нельзя и потому все должно быть подлинное: и гонец, и грамотка, и печать литовского князя на ней.

– Да простит меня дон Педро, – вновь вмешалась Изабелла, – но, на мой взгляд, здесь ты погорячился. Неужто ты думаешь, будто литовский князь согласится написать такое? Это ж очень опасно для него самого. А если Узбек в отместку пойдет войной на Литву?

– Вряд ли, милая донья, – покачал головой Петр. – Ведь в своем письме Гедимин и так отказывается вступать в тайный союз против Орды. Да и дочь свою в жены москвичу не отдает. Тогда зачем хану с ним воевать?

– Ну хорошо, а если Юрий станет с пеной у рта кричать о происках врагов, а на самом деле он ничего не писал в Литву? – поинтересовался Улан. – Впридачу выплывет наружу сватовство самих тверичей, если уже не выплыло. И еще одно. Все-таки московский князь – бывший ханский шурин, так что Узбек может ему дать дополнительный шанс оправдаться и потребует от Гедимина предъявить письмо Юрия.

Сангре помрачнел. Такая мысль не приходила ему в голову. Но сегодня был его день – день триумфа и торжества, когда абсолютно все получается и легко решается. В поисках нужного ответа ему не понадобилось даже бродить по комнате и тереть многострадальную переносицу – озарение пришло буквально через секунду.

– В конце того же послания будет написано, – медленно произнес он, наслаждаясь собственной виртуозностью, – что, согласно просьбе Юрия, грамотку его сожгли сразу после прочтения. Более того, соблюдая тайну, Гедимин повелел умертвить и русина, зачитывавшего ее, а потому московский князь может не опасаться, ибо ныне о ней знает лишь сам кунигас. Ну как?

– Вроде бы все сходится, и ты ныне выше всяких похвал, – медленно вынес Улан окончательный вердикт. – Более того, ты впервые на моей памяти поскромничал. На самом деле у тебя получился не хвостик, а целый хвостище. Но по-прежнему остается одно слабое звено – навряд ли литовский князь согласится такое написать. Какой ему смысл?

– Смотря что пообещать взамен, – лукаво улыбнулся Сангре. – Это раз. Ну и смотря кто станет просить его об этой услуге. Это два.

– Михаил Ярославич никогда не...

– Окстись! – перебил Петр. – Понятно, что он никогда. Более того, наш князь, как и в случае с монетами, вообще ничего не должен знать.

– А если не он, то кто же тогда?

Сангре молча расстегнул ворот рубахи и извлек из-за пазухи подвешенный на веревочке и хорошо знакомый Улану подарок великого кунигаса всей Литвы – золотой перстень с крупным сапфиром. Продемонстрировав украшение, он, не говоря ни слова, сунул его обратно за пазуху.

– Мы, как истинные мушкетеры, сами попросим литовского герцога Бекингема изготовить для нас недостающие подвески, – выдал он, неторопливо застегивать пуговицы на вороту.

– Но...

Петр покачал головой и твердо произнес:

– Никаких «но». Или у тебя есть вариант с другим посланником?

Помедлив, Улан обескуражено развел руками – иных вариантов и впрямь не имелось.

Глава 6

За други своя

На сей раз краткий план побратимов, составленный ими на следующий день, хоть и требовал много времени – аж до осени, но включал в себя совсем немного пунктов – всего пять. Были они расставлены согласно очередности выполнения и выглядели по-спартански лаконичными.

Под номером один значилось короткое слово «сорока». В целях секретности, они ничего больше к нему не добавляли. Следующим шло «набор отряда». Пункт третий – «письмо». И вновь без пояснений. А зачем? Они-то знают от кого и кому, а остальным ни к чему. В четвертом было два имени: Азамат и через тире – Кавгадый. Последнего планировалось нейтрализовать путем составления нужного компромата с помощью сотника, продолжавшего лежать в Липневке с загипсованными ногой и рукой.

Пятого номера поначалу вообще не было. Появился он позже, вечером, и настоял на нем Улан.

А до вечера они успели проверить массу дел. Во-первых, выслушали заказ Горыни на инструменты. Узнав, насколько важна предстоящая ему работа (друзья не стали ничего скрывать), кузнец загорелся едва ли не сильнее, чем после княжеского визита. Да оно и понятно. Одно дело – поздороваться с Михаилом Ярославичем и выслушать от него похвалу, и совсем иное – знать, что ты внесешь существенный вклад в его спасение. И не от беды, но от смерти. Такое налагает на человека ответственность, но и окрыляет его.

Смущало Горыню только то, что он никогда раньше ничем таким не занимался. Однако Сангре, помахав перед его носом последней матрешкой, напомнил:

– Ты и резьбой по дереву никогда раньше не занимался, однако смог. И как смог.

Да и остальные дружно поддержали Петра.

– Ведь вылитая Заряница получилась, – добавил Улан.

– Ажно в краску меня вогнал, – шутливо попрекнула девушка.

– И чем лучше у тебя получится, тем быстрее ты встанешь на ноги, – обнадежила Изабелла, а окончательную точку поставил Сангре.

– И не лги, что не занимался. Чеканы для монет и впрямь не делал – не спорю, но по металлу вырезал. Видел я в твоей кузне кое-какие поделки.

– Когда?! – встрепенулся Горыня.

– Когда ты воевать ушел. И на Заряницу столь гневно не взирай, она ни при чем. Случайно получилось.

– То я для души, – засмущался кузнец. – Зима длинная, работы мало, вот я и...

– Правильно, – согласился Петр. – Истинная красота без души и не бывает. Ты уж, старина, и здесь с душой потрудись, все вложи, без остатка.

– Уж будь покоен! – почти угрожающе заверил Горыня. – Сотворю.

Впрочем, кузнецу и самому хотелось опробовать себя в прежнем деле – ведь дерево, как ни крути, не совсем то. И пахнет по-другому, и работается с ним чересчур легко, нет настоящего сопротивления. А что отказывался поначалу, так должен же русский мастеровой слегка поломаться, чтоб как следует поупрашивали. Ну и похвалу лишнюю заодно выслушать, ведь когда человек говорит о себе: «куда мне, сирому да убогому, боюсь – не справлюсь, не смогу, не осилю», сколько он лестных слов в ответ о своем умении услышит? И возносят его эти слова словно на пьедестал, да что там, на трамплин, а уж оттуда, со словами «ладно, попробую», он как на лыжах – айда вниз. Душа замирает, сердце трепещет, но коль согласился в полет отправиться, обратного пути нет, лети, сколь умения хватит.

Впрочем, изготовление монет не одному Горыне впервой было – всем. Потому тогда же вечером порешили, дабы облегчить кузнецу задачу, разделить изготовление двух чеканов – для лицевой и оборотной сторон – на два этапа. Первый заключался в создании «позитивов». Далее следовала их закалка. Чтоб не привлекать лишних людей, Заряница обещала заняться этим сама, мол, сколько раз брату помогала, дело нехитрое.

С выбором будущих подмастерьев проблем не предвиделось – молотом махать особой мудрости не требуется. Конечно, лучше, чтоб у человека имелись кое-какие навыки, но Сангре был уверен – сыщутся среди их воинов державшие в руках кузнечный молот.

Зарянице предстояло руководить и последующим изготовлением «негативов» – вдолбить две работы Горыни в раскаленное добела сырое железо – будущие чеканы. Причем в одном из них решили для удобства заранее проделать круглое углубление строго под размер приготовленных серебряных кружков, чтобы те при чеканке никуда не съезжали. И вновь закалка, дабы хватило как минимум на тысячу серебряных «сорок».

С заготовками для самих монет тоже предстояло повозиться. Крутили, мудрили, как лучше отмерять, но затем пришли к выводу, что лучше всего поначалу сделать десяток глиняных трубок и обжечь их. Внутренний диаметр сделать точно таким же, как и у одной из широко распространенных монет – французской турнозы. В каждую трубку заливается по пять расплавленных серебряных гривен. Получившуюся заготовку, сделав тщательнейшие замеры, предстояло разрубить на двести частей. Ну а далее можно приступать к чеканке.

Словом, возни затея сулила много, но... глаза боятся, а руки делают.

Правда, рукам этим для начала требовались инструменты. Да не абы какие, а уже привычные для мастера, чтоб сами в руку ложились. Покупать, слава богу, не требовалось – лежали готовые в Липневке – но пришлось с самого утра отправлять за ними Заряницу, придав ей на всякий случай с десяток ратников.

А еще требовалось составить письмо от Гедимины. Тоже, разумеется, черновой вариант. Его поручили Изабелле. Понятно, что текст, прежде чем везти в Литву, придется десять раз черкать и пять раз переписывать, но начинать составлять его следовало тоже сейчас, откладывать ни к чему.

Да и у самих друзей дел хватало. Во-первых, опрос свидетелей на торжище – кто, когда и в каких размерах пострадал от Рубца и его подручных. Это досталось Улану, как более дотошному в таких делах. А Сангре иное, но не менее важное – провести опознание покойного киллера – не век же в леднике его тело хранить. И дело не в запахе, просто чем больше разложится, тем меньше шансов, что его опознают.

Народу в княжеском порубе оказалось немного – всего полтора десятка человек. И не потому, что тишь да гладь на Руси, а просто по большей части разбойный люд до Твери довести не поспевали. Кто-то от ран по пути умирал, но по большей части прямо в лесу оставляли. С лихими людишками же во время поимки никто не церемонился, валили саблями да стрелами. Потому-то сидели в основном местные, городские, на-вроде Алыря с Балудой – надо же было Рубцу время от времени кого-то хватать, чтоб остальные особо не распускались.

Первая партия из пяти человек прошла мимо вынесенного из ледника и уложенного на травку убийцы без толку. Не признал никто. Хоть и старались все, тарасились, что есть мочи, жаль было свободу обещанную упускать.

Во второй вроде сыскался один, но то оказался ложный номер. Сжульничать тать решил, вот и сказал про знакомую рожу. Однако Сангре хоть и не обладал столь отточенным мастерством вытягивать из людей показания, как Улан, но и лопухом не был. Потолковал с брехуном по душам, отведя его в дальний уголок, живо нашел кое-какие несуразности и несовпадения в его рассказе, после чего отвесил подзатыльник позвончее – не сильно, для ума – и отправил к остальным в яму.

Последняя пятерка вновь дружно руками развела. Получалось, так и останется киллер безывестным. И хотя Петр изначально не больно-то рассчитывал на это опознание, все равно расстроился. И когда стражник, приставленный к ямам, поинтересовался, вести ли тех двух, коих вчерась в поруб кинули, безучастно отмахнулся.

И как сей жест понимать – поди догадайся. Но судьба вновь на выручку поспешила – не желая сидеть до вечера без дела, а тут какое ни на есть, а развлечение, стражник понял равнодушный жест как согласие. И привел.

Поначалу Сангре даже подивился – всего сутки просидели Алырь с Балудой в порубе, а выглядели совсем иначе. И одежду успели в какой-то дряни перемазать, и от самих пованивало. Впрочем, по сравнению с остальными сидельцами выглядели они чистюлями, ну да сутки – не месяц и тем паче не год, успеют сравняться с прочими.

Изменилось и их поведение. Алырь уже не хорохорился, не ерепенился, Балуда тоже языком не тархтел без умолку, помалкивал. Когда они прошли мимо киллера, Сангре уж было поднялся с корточек, но тут его окликнул слегка приотставший Алырь.

– Слышь-ко, боярин. А кому сказывать, что видал мертвяка?

– Мне, – оживился Петр.

– И точно на волюпустишь?

Сангре кивнул, но жулику этого показалось мало. Резон в его сомнениях имелся. Одно дело, когда давний сиделец, а другое – едва попавший. Что ж за суд такой и какая ему может быть вера, если ныне сажают, а завтра выпускают. Потому Михаил Ярославич может и удержать. Выказав сомнения вслух, он заявил:

– Пушай князь мне самому слово о воле молвит, тогда и я тебе как на духу.

– А если брешешь?

– Собаки брешут, боярин, а я сказываю, – огрызнулся Алырь, но спохватился, и, понизив голос, пояснил: – Эвон, сколь я далече стою от Балуды, зри.

Ну?

– А теперь повели, чтоб его еще дале отвели, дабы ты точно знал, что он меня не слышит.

Сангре пожал плечами, но была просьба невелика, да и куда тому бежать со связанными руками. Петр повелительно махнул рукой остановившемуся стражнику и распорядился, чтобы он отвел Балуду на двадцать шагов подальше.

– Вот и ладно, – кивнул Алырь. – А таперь слухай. Коль князь волю самолично посулит, ты нас с ним вовсе в разные углы разведи и все равно мы с ним одно и то же об ентом мертвяке скажем.

– Так ведь молчит твой напарник.

– Это покамест, – усмехнулся Алырь. – Память у него не ахти какая, похуже моей, да и зрит ныне одним оком, эвон как второе заплыло, а ежели как следует присмотрится, непременно признает. А коли нет, ты ему два словца, кои я тебе шепну, передашь для освежения головы, и все.

– И имя его назовете?

– Вмиг. Ежели хотишь, я прямо теперь его тебе поведаю, да не одно, а два.

Пришлось вести обоих, но по-прежнему соблюдая весьма приличную дистанцию, чтоб не сговорились по дороге, к князьему терему. Потенциальный свидетель оказался прав. Поначалу, узнав о том, что видок не далее как вчера угодил в поруб, Михаил Ярославич и впрямь заартачился, но Сангре напомнил о княжеском слове и тот, хоть и с видимой неохотой, но согласился предоставить жулику свободу. Правда, одному – второй все равно отправится в яму. Да и этого одного на усмотрение самого дознатчика. Коли он решит, что сообщение стоящее, пусть отпускает. Сказав это, Михаил Ярославич незаметно подмигнул, давая понять, каким должно стать «усмотрение» Петра.

А чтобы жулики ничего не заподозрили, князь сделал оговорку. Мол, отпущенный до завтрашнего утра из города должен исчезнуть. И коль он сызнова появится в Твери, поруба ему не миновать.

...Увы, но о покойнике Алырь знал немного. Да и видел его всего ничего, три дня, когда они с Балудой, бредя из Дмитрова и заплутав в лесу, неожиданно угодили в тайное логово разбойничьей шайки. Была она невелика, всего-то семь человек. В главарях же и ходил этот киллер, которого все прочие называли Третьяком. Прожили там два жулика всего несколько дней, пока не стали случайными свидетелями того, как главарь жестоко, в кровь, избил одного из разбойников, а когда тот кинулся на Третьяка драться, зарезал его. Да столь споро и деловито, ровно какую скотину. Тогда-то, ужаснувшись от увиденного, Алырь с Балудой решили тихонько улизнуть.

Им повезло. Желая как-то смягчить тягостное впечатление, оставшееся у остальных членов шайки после совершенной расправы, главарь выставил два бочонка с медовухой и к ночи народ изрядно напился. Словом, побег удался. Брели они по лесу долго, изголодались, но к исходу третьего дня вышли к граду Волоку Дамскому, где и занялись...

– Ну-у, как и тут, в Твери, – честно сознался Алырь.

Его напарник и после повторного осмотра не признал покойного, но стоило Сангре шепотом передать ему два слова от Алыря (Волок Дамский и домовина⁷), как Бульга вздрогнул, вновь взгляделся в лежащего и торопливо закивал, давая понять, что вспомнил. Задав ему кучу все время повторяющихся вопросов и не найдя противоречий в ответах, Петр удовлетворенно кивнул – не врет мужик. Да и его напарник тоже.

– Волок Дамский – понятно, а домовина здесь при чем? – спохватившись, поинтересовался Сангре у Алыря.

– Так Третьяк и избил того малого за то, что он его Домовиной назвал, – пояснил тот. – А уж почто он столь сильно свое второе прозвище не любил – не ведаю.

– А в каком княжестве эта шайка жила?

Алырь хмыкнул.

– В лесу она жила, боярин, в лесу, а он божий.

– Ну хорошо, – не унимался Сангре. – А когда вы от них бежали, то в какую сторону шли, не припомнишь?

– Куда глаза глядят, – проворчал жулик.

– Ну солнце-то куда светило – в лицо или в спину?

– Не было тогда солнышка – дождь моросил, – совсем тихо произнес Алырь и, глядя на поморщившегося Петра, тоскливо пояснил: – Ты пойми, боярин, набрехать и сто коробов можно, но как-то негоже за волю ложью платить, потому я тебе как на духу, одну правду. Нешто я виноват, что она такая... куцая, – и почти шепотом спросил: – Мало? – Сангре молчал. – Стало быть и одного не отпустишь? – догадался Алырь.

– Отпущу, – с видимой неохотой выдавил Сангре. – Уходи хоть сейчас, – и кивнул стражнику. – Ну-ка, развяжи его.

Тот крякнул, но послушно подчинился. С наслаждением потирая запястья, освобожденные от веревок, Алырь грустно посмотрел на своего товарища. Балуда чуть не плакал, глядя на него.

– Попрощайтесь, ладно уж, – разрешил Петр и, выждав пару минут, скомандовал стражнику. – Уводи, – и вновь обратился к Алырю. – А ты гуляй себе, да помни слова князя – к ночи чтоб тебя в Твери не было.

Тот согласно кивнул, продолжая пристально глядеть в спину своего незадачливого напарника и о чем-то напряженно размышляя. Когда Сангре повернулся к литвинам и принялся

⁷ Гроб (ст. – слав.).

отдавать распоряжения насчет трупа киллера, а стражник вместе с Балудой подошли к воротам, Алырь решил.

– Слышь, боярин! – окликнул он Петра. – Просьба к тебе.

– Еды на дорогу подкинуть? Сейчас сделают – и хлеба дадут, и мяса.

– За оное благодарствую, но я об ином. Тебе ж, – Алырь глубоко вздохнул, – все едино, кого отпускать, верно?

– Та-ак, – с интересом посмотрел на него Сангре. – И что дальше?

– Тогда ты вот чего. Ты меня лучшей обратнo в поруб отправь, а его отпусти, – кивнул он в сторону скрывшегося за воротами товарища.

– А себя не жалко? – осведомился Петр.

– Жалко, – согласился Алырь. – Сам ведаю, в порубе не медом намазано. Тяжко доведется.

– Так чего тогда?

– Мне тяжело, а он там вовсе погинет, – пояснил Алырь. – Самое большее, чрез месяц, али два. У него ить дыхалка вовсе худая, учнет кровью харкать, и все, прощай белый свет. А я ничего, крепкий. Мож, и выдюжу. А коли нет, стало быть, господь устал от моих грехов.

Подумав, Сангре послал одного из литвинов вернуть стражника вместе с Балудой, и предложил Алырю:

– Ты бы подумал как следует, а то вернутся, поздно будет. Тогда уж точно: что с возу упало – тому и глаз вон.

– Неча мне думать, – зло огрызнулся тот. – Коль решил, так чего ж. На, – с отчаянной решимостью протянул он руки Петру, – вяжи.

– Перебьешься, – буркнул тот. – На то стража есть. Вот сейчас придет, тогда и...

На миг у Петра мелькнула мысль подойти к князю и попросить за второго особо, но, вспомнив его выразительное подмигивание, понял – ни к чему хорошему оно не приведет. Как знать, еще и Балуду обратнo посадит.

Он вздохнул, сожалеюще глядя на Алыря. Это ведь с одной стороны – тать, жулик, обманщик. А с другой – не каждый день встретишь такое самопожертвование. «Прямо как у нас с Уланом, – мелькнула у него мысль. А следом другая. – Надо запомнить парня, чтоб при случае попросить за него князя».

Алырь же, уводимый стражником, внезапно обернулся и, просияв, громко крикнул Сангре:

– Слышь-ко, боярин, вспомнил я! Ей-ей, вспомнил. На другой день солнышко-то показалось меж тучками. На чуток, но проглянуло. В полдень оно случилось. И светило мне в левую щеку.

– Точно ли?

– Ей-богу! – попытался он перекреститься связанными руками. – Я еще помыслил, что оно поспеет одежду на нас высушить, да где там, сызнава схоронилось и опять дождь полил, яко из ведра, – но тут его с силой дернул за другой конец веревки стражник и он, вновь понурившись, побрел дальше.

Сангре просиял, вновь мысленно поклявшись себе запомнить парня, но довольно-таки быстро пришел в уныние...

Глава 7

Один в поле не воин, или Поиск союзников

Причиной тому было незнание географии. Во всяком случае, политической, касающейся истории средневековой Руси. Сколько Сангре ни чесал переносицу, пытаясь понять, в каком княжестве располагался лес, откуда можно за три дня добраться до Волока Дамского, если идти на запад, ответа не нашел. Пришлось идти за подсказкой к другу.

Улана он отыскал во флигельке княжеского терема. Тот как раз заканчивал опрашивать последнего на сегодня свидетеля. Вытащив побратима во двор, Петр торопливо выдал ему полученную информацию. Выслушав его, Улан призадумался, замялся, не зная, что ответить, но нашелся:

– А вот мы сейчас кое-кого спросим, – пообещал он и ринулся обратно во флигелек.

По счастью купец оказался ушлый, не раз успел побывать в тех краях и на вопрос Буланова поначалу ответил не раздумывая:

– А тут и гадать неча. Знамо человек из Московского княжества шел, боле неоткуда, потому как с восхода на Волок Дамский брел. Выходит, чрез земли князя Юрия Данилыча путь держал.

Но чуть погодя, уже выйдя за ворота, он вернулся. Вид был виноватый.

– Я тута умишком пораскинул, – сконфуженно принялся пояснять он, – и надумал, что не так все гладко. Допреж того, как заплутать, сам сказываешь, людишки из Дмитрова вышли, а ежели чуток поплутали, то могли на Волок и чрез тверские владения пройти. Оно ить с непривычки можно такие петли по лесу закрутить, ой-ей-ей.

– И что оно нам дает? – осведомился Сангре у побратима.

– Погоди, сообразить надо, – нахмурился тот.

Ответить он не успел, поскольку не прошло и десяти минут, как Петра разыскал дружинник с требованием немедля явиться перед князем. Тот дожидался его в своей молитвенной комнате. Неторопливо поднявшись с колен и последний раз перекрестившись на икону с богородицей и маленьким Христом на ее руках, Михаил Ярославич повернулся к Сангре. За его спиной стоял увязавшийся следом Улан, однако князь, не обращая на того ни малейшего внимания, сосредоточился исключительно на Петре. Ни слова не говоря он примерно с минуту устало разглядывал его и наконец произнес:

– А ить ты смекнул, к чему я тебе подмигнул?

– Смекнул, – честно сознался Сангре.

– А чего ж не послушался, отпустил татя?

Петр усмехнулся.

– Тебе честно?

Князь оглянулся на иконы.

– Потому и зазвал сюда, чтоб без утайки.

– Если искренне служишь человеку, то должен блюсти его честь как свою собственную. Нет, даже выше, – поправился Петр. – Думаешь, Алырь не догадался бы, что я по твоему повелению действую? Потому и отпустил. Это добрая слава на печи лежит, а худая птицей по белу свету летит.

– Ишь ты! – фыркнул Михаил Ярославич. – А ежели бы я напрямки тебе свое повеление поведал?

– Тогда сам бы и допрашивал, – набычился Сангре.

– Эва! – вновь подивился князь. – Но он хоть заслужил воли?

– Думаю да, – медленно произнес Петр. – Судя по тому, в каких лесах покойный тать разбойничал, взяли его московские власти. Кстати его звали Домовиной, имечко для будущего убийцы самое то. А теперь я тебя хочу спросить, княже. Учитывая, что его поймали самое раннее три года назад, кто из братьев жил к тому времени в Москве?

Михаил Ярославич задумался, припоминая. Спустя минуту он досадливо крикнул:

– А все жили! Кто чуток, кто поболее, но побывать успели.

– Тогда спрошу иначе. В любом случае вначале Домовину хоть на месяцок, но закинули в поруб, как ты говоришь, для ума, чтоб прочувствовал. Кто из братьев-князей был вправе повелеть вынуть оттуда отъявленного татя?

На сей раз Михаил Ярославич с ответом не колебался:

– Либо Юрий, либо... Иван.

– А если его повязали подле Волока Дамского, то и Афанасий, верно? – встрял Улан.

Князь молча кивнул.

– Значит, круг подозреваемых сузился на одну треть, – продолжил Буланов. – А с учетом моих возражений насчет Юрия, считай, и вовсе до двух человек. Теперь суди сам, стоило моему побратиму за такие важные сведения отпустить на волю одного мелкого обманщика?

– А проку нам с того? – резонно осведомился князь. – Вину Ивана ли, Афанасия ли, все одно – доказать не выйдет.

– Прок в ином. Теперь мы знаем, что кто-то из них твой самый опасный враг, – пояснил Улан. – Ты верно сказал, доказать мы ничего не в силах, но у древних римлян есть хорошая поговорка: «Praemonitus praemunitus» – «Предупрежден – значит вооружен». Опасность пострадать от его козней в будущем уменьшается. Поверь, княже, это дорогого стоит.

На сей раз Михаил Ярославич никак не отреагировал, лишь молча кивнул и вяло махнул рукой, отпуская друзей.

– Добил ты его своими римлянами, – констатировал Сангре, стоя на крыльце и жмурясь от лучей ласкового майского солнышка. – Хотя в одном князь прав – на практике нам это знание ничего не дает.

– Сейчас не дает, – возразил Улан. – А впоследствии... Ты лучше прикинь, сколько надо ума, чтобы «родить» такую комбинацию. Именно потому я против твоего предложения просто грохнуть Юрия. Коль комбинатор – один из его братьев, к власти его лучше не подпускать. И второе – надо бы как-то продумать, чтоб обезопасить Бориса Даниловича, первого прямого наследника своего старшего брата.

– Думаешь?

– Уверен. От заказчика убийства можно ждать чего угодно. Сам посуди: много ли у человека, придумавшего и осуществившего такую виртуозную подставу, осталось моральных принципов за душой?

– Не уверен, что они вообще имелись, – буркнул Петр.

– Резонно, – согласился Буланов. – Следовательно, над Борисом завис дамоклов меч. Впрочем, с ним пока не горит. Тут у меня к тебе имеются два серьезных предложения.

– Излагай, – согласился Петр.

– Перебьешься, – буркнул Улан. – Я буду действовать как ты – давай вначале поедим, а то с этими опросами во рту с самого утра маковой росинки не было. Да и ни к чему спешить – одно из них окажется для тебя не очень-то приятным, – и глубоко вздохнув, он добавил: – Да и для меня тоже.

За ужином Буланов и впрямь выглядел непривычно мрачным и даже на вопросы Изабеллы отвечал невпопад. Но и когда ужин закончился и они остались наедине с Петром, Улан продолжал молчать. Сангре решил, что расспросит его позже, и, умиротворенно держась за живот, поплелся в свою комнату. Однако побратим сам пришел к нему.

– Ты спать собрался? – поинтересовался он, удивленно глядя на завалившегося на постель Петра. – Вроде рановато.

– Я тут перебарываю, – промурлыкал тот, – А что, есть интересные предложения? Тогда сразу оговорюсь, с таким набитым пузом я окромя похода в лупанарий⁸ ни на какие другие шалости не соблазнюся.

– А идти никуда и не надо, – невозмутимо пояснил Улан. – Я о другом. Сдается, к нашему короткому плану надо обязательно добавить пятый пункт.

– О как! – Заинтересованный Сангре мгновенно принял сидячее положение. – Ну, ну, конкурент великого комбинатора. Валяй, излагай, а мы рассмотрим...

– Я понимаю, что моя идея не так гениальна, как твои, но предлагаю призадуматься: а почему Михаил Ярославич в столь важном вопросе как объединение Руси должен вкалывать за всех русских князей? Да и тяжело оно. Не зря же говорится, что один в поле не воин.

– Начал хорошо, – ободрил Петр. – А теперь поконкретнее.

– Найти для Твери союзников. И желательнее с разных сторон от Москвы, чтобы Юрий оказался чуть ли не в кольце. Тогда он, действуя против одного, не сможет драться в полную силу – надо все время оглядываться вбок или вообще за спину. Я тут выяснил кое-какие подробности у княжича Дмитрия.

– Когда успел?

– Еще до Пскова. Он же почти каждый день к нам ходил, чтоб рукопашному бою поучиться, да и сейчас успел поинтересоваться, когда мы сызнова к занятиям приступим. Ну а после учебы, пока паришься в жаркой баньке, не сидеть же молча на полке. Вот он и просвещал меня. То об одних соседях расскажет, то о других, как да что. И ему приятно свою осведомленность показать, и мне польза – я теперь более-менее с раскладом по русским княжествам знаком. Не по всем, конечно, но основное усёк, в том числе и кое-что ценное из событий недавнего прошлого. Словом, соседей, у кого Москва в печенках сидит, найти несложно. Кстати, ты знаешь, что за последние двадцать лет Московское княжество увеличило свою территорию раза в два, если не в три?

– Ничего себе! – присвистнул Сангре. И откуда они столько набрали? Наследство?

– Было и оно, например Переяславль-Залесский, но основные приобретения сделаны за счет банального ограбления соседей и наглого захвата их земель.

– Уже?! – изумился Сангре. – Так Юрий всего с год назад верховную власть заполучил. И когда успел?

– А оно при жизни его батюшки князя Даниила началось. Он первым и стал у соседей земли с городами отбирать. А сынок лишь достойный продолжатель отцовского дела. Правда, действует грубее. Отец-то хоть грабил, но самих князей не убивал, а этот... Мясник он и есть мясник.

– Уланчик, – вкрадчиво произнес Сангре. – И ты, зная все это, убалтывал меня пойти на службу к этим московским ублюдкам, шершавый ананас тебе в глотку и кучу раков в средневековые кальсоны!

– Говорю ж, от Дмитрия не так давно услышал, – буркнул тот, – а раньше не знал. Что я тебе, историк?!

– Ладно, с ананасами и раками чуток погодим, пока поживи в комфорте, – великодушно согласился Петр. – И как ты видишь дальнейший ход событий?

– Ты правильно сказал – первым делом нам надо порядок на торжищах навести, и за счет этого авторитет наработать. Да и в Орде дел уйма предстоит. Так что о союзниках против Москвы я тебе лишь к примеру сказал, с расчетом на перспективу, поскольку к их поиску мы сможем приступить не раньше следующей весны. Но есть дела и поближе.

---

⁸ Название публичного дома в древнем Риме.

– А именно?

– Полагаю, в первую очередь надо подыскать таких же союзников против Орды. Разумеется, тоже из числа соседей. Ну-ка, угадай с трех раз кого я присмотрел?

– Гедимина привлечь? Не рискнет. Или ты на крестonosцев глаз положил?

– Даже если крокодил нацелился сожрать твоего врага, не спеши считать его своим другом и протягивать ему руку, – усмехнулся Улан. – И если воюешь с чертом, все равно нельзя заключать союз с дьяволом.

– Согласен, к черту гнилую гейвропу с их НАТОвцами. Но тогда кто? – но Улан молчал и Сангре предположил: – Неужто галицко-волынские князья? Или поляки с венграми?

– Сам же сказал: к черту гнилую европу, – напомнил Буланов. – И я с тобой абсолютно согласен. В экономическом смысле она – барахло, учитывая, что у нас есть Урал, а в нравственном – смердящая помойка – вспомни тех же инквизиторов. Так на фига нам лишняя выгребная яма, да еще такая огромная? Разве что качать из нее деньги, которые не пахнут, но и только. Зато Азия... Есть ныне на юге такое государство ильханов, – начал он, но, натолкнувшись на непонимающий взгляд Петра, предложил: – Вначале немного истории.

– Но только коротенько, – предупредил тот. – Не растекайся мыслию по древу, даже если под ним сидел Будда.

Улан кивнул и потер лоб:

– Как бы тебе попроще растолковать.

– Сам тупой, – обиженно огрызнулся Сангре, но рассказ друга слушал внимательно. Согласно его слов получалось следующее.

Когда монголы были едины, они ходили завоевывать многие страны. И если земли к северо-западу, включая Русь, отошли детям старшего сына Чингисхана Джучи, то вся Азия к юго-западу, включая нынешний Ирак вместе с Багдадом, Иран и Закавказье, досталась Хулагу, сыну младшего брата Джучи. Потомки Хулагу там правят до сих пор.

– Вот оно-то и есть государство ильханов, – подвел черту под своей исторической справкой Улан. – Но в завоевательном походе войск сыновей Тулуя принимали участие и тумены Батыя, а потому его наследники до сих пор считают, что им в качестве доли от добычи принадлежит часть Закавказья, с чем Хулагу не согласился. За эти земли две орды грызутся меж собой до сих пор, причем вражда застарелая, длится лет пятьдесят, не меньше, со времен правления брата Батыя Берке.

– И к чему твоя прелюдия?

– Сейчас узнаешь. Один из купцов из тех краев как-то вскользь обмолвился, что совсем недавно у них скончался падишах, как теперь себя именуют иль-ханы. Недавно по меркам средневековья, – пояснил Улан, – то есть в декабре позапрошлого года. Словом, теперь там у власти Абу-Сеид – сынишка предыдущего правителя, и притом весьма юный. Он стал падишахом, когда ему еще не было и двенадцати. Так вот когда купец это рассказывал, мне вдруг припомнилось кое-что из прочитанного. Короче, этой осенью Узбек вновь затеет поход в Закавказье. Как я теперь понимаю, он, скорее всего, решил воспользоваться сменой власти. Юность нового правителя – весьма подходящий момент дабы оттяпать спорные земли.

– А ты не мог ошибиться насчет похода? – усомнился Сангре.

Улан мотнул головой.

– Это абсолютно точно. А в качестве доказательства скажу, что сама казнь тверского князя...

– Которой быть не должно, – перебил Петр.

– Я имею ввиду официальную историю, – поправился Буланов. – Так вот его казнь произошла в районе Северного Кавказа, то есть Узбек, выдвинувшись в поход против своих южных соседей, вез Михаила Ярославича с собой и умертвил аж возле Терека. Ну и сразу после этого пошел на Дербент и дальше.

– И чем закончится его увлекательный туристический вояж?

– Как и предыдущие попытки ордынских ханов до него, – пожал плечами Улан. – На первых порах победы, а затем, когда эмир Чопан – он в тех краях за главного – стянет все свои силы, Узбек, находясь где-то возле реки Куры, не принимая боя, скомандует отступление.

– Тогда причем тут мы, если ему и без нас юшку кровавую пустят?

– Одно дело – юшка из носа, и совсем иное – перелом конечностей, – возразил Улан. – А лучше нескольких. Я к тому, что если заблаговременно предупредить падишаха, точнее, его регентов, отступление Узбека легко превратить в полный разгром, взяв его в кольцо. А ведь с ним придет не меньше десяти-пятнадцати туменов, а то и все двадцать. Прикинь, не пачкая рук, одним разом похоронить двести тысяч лучших степных воинов. И, возможно, вместе с самим ханом.

Сангре присвистнул и, с неподдельным уважением уставившись на друга, благоговейно произнес:

– Уланчик, ты нарисовал такую картину маслом, шо живи сейчас Шурик Македонский, таки он имел бы бурное желание до своего гордеевого узла, шоб смай-стрячить с него удавку для себя от лютой зависти.

– Ну-у, это ты чересчур, – засмутился тот. – Хотя все равно спасибо. Кстати, и тебе с Гедимином договариваться насчет письма Юрию будет гораздо легче. В смысле, давать гарантии, что ему все сойдет с рук. После такого Узбек на него точно войной не двинется.

– Ну да, если туманно намекнуть на грядущие события, Гедимин станет куда покладистее, – согласился Петр.

– Вот, вот, – подтвердил Улан. – И мы одним выстрелом убиваем двух зайцев: подстраховываем будущего союзника Твери, но главное, еще раз кое-кого вложим – ведь я назовусь посланцем московского князя. Да и письмо, взятое с собой, тоже будет от имени Юрия Даниловича. А слух о том, что он предупредил соседей Орды о нападении, обязательно донесется до Узбека. Ну а сам не дойдет – мы поможем.

– Я назовусь посланцем московского князя, – задумчиво повторил Сангре и вопросительно посмотрел на друга. – Значит, в Орде мне придется управляться в одиночку. Тяжело.

– Чтоб ты да не справился, – усмехнулся Улан и виновато вздохнул. – Куда хуже другое. По моим подсчетам, дабы успеть добраться до нужных людей и помочь подготовить разгром войска Узбека, мне надо выехать из Твери самое позднее... через месяц.

Сангре охнул.

– А попозже никак?! – жалобно спросил он.

– Увы, это потолок. И без того получается впритык, – и Улан виновато развел руками. – Я и сам не хочу, а что делать? Иначе южане не успеют собрать войска и завершить прочие подготовительные работы.

Сангре не сразу дал добро. Мол, столь удобный момент, чтоб подложить новоявленному ревнителю ислама здоровенную свинью, упускать действительно нельзя, но уж больно оно рискованно. И, помедлив, извлек из кармана пластиковую коробочку с картами бабы Фаи. Лишь когда выпал «счастливый исход задуманного дела», он, тяжело вздохнув, утвердительно кивнул, соглашаясь. Правда, выразил надежду, что если Улан рано уедет, то как знать, может поспеет в Орду. Но друг безжалостно заявил:

– Забудь. Сам поход состоится зимой, а значит, навряд ли меня отпустят раньше. Ну-у, хотя бы из простой предусмотрительности – вдруг я не обычный посланник, а посланный казачок. Значит, вернуться оттуда я смогу не раньше весны.

– Но-о...

Улан усмехнулся и дословно повторил вчерашние слова самого Петра:

– Никаких «но». Или у тебя есть вариант с другим посланником?

Глава 8

Пятилетку за год

С самого утра друзья принялись заново планировать, что и как им предстоит сделать в ближайший месяц, пока они оба в Твери. Улан намеревался добить расследование по взяткам на торжище уже сегодня, а завтра, усевшись за стол, начать составлять расписание занятий и, главное, инструкций для будущих стражей порядка. А Сангре моментально добавил еще одно дело. Мол, надо выделить время на поездку в Липневку, где до сих пор пребывал сотник Азамат с закатанными в гипс ногой и рукой, поскольку поработать с ним желательно на пару с Уланом.

– Кстати, насчет будущих стражей. Кто из десятка Рубца не при делах, ты успел выяснить? – поинтересовался Сангре. – Я так мыслю, что из них и надо составлять костяк нашей патрульно-постовой службы. Плюс добавим к ним на первых порах всех семерых наших славян, включая Яцко, и человек пять из числа литвинов.

– Они ж пока с языком не очень, – напомнил Улан.

– А мы их используем исключительно в качестве держиморд, то бишь грубой физической поддержки – ловить, кого скажут, держать и не пущать. – И Сангре досадливо крикнул: – Эх, погорячился я насчет Алыря с Балудой. Вместо того, чтобы вести их к князю, надо было тихонько брать обоих за шиворот и пристраивать в наш ОМОН.

– Они ж ворюги, – напомнил Улан.

– Так в этом весь цимес, – оживился Петр. – Значит, им знакома куча всяких жульнических ухваток и если бы они всерьез взялись за дело, то их коллеги по ремеслу мигом сказали бы ой. Ладно, других завербую.

– Гляди не промахнись, – проворчал Улан.

– Я тебя умоляю! Вначале красочно распишу, что их ждет в случае продолжения жульнических дел, а затем грамотно подам открывающиеся перспективы. И куда они тогда денутся с нашей подводной лодки? Кстати, помнится, ты сам мне рассказывал, что создатель первой криминальной полиции во Франции в прошлом был ворюгой. Так что и нам без бывших уголовничков навряд ли обойтись. Да не журись, присмотр за ними на первых порах я тебе обещаю. Но этих все равно жаль, особенно Алыря, – вздохнул Сангре. – Понимаешь, нутро не испорченное, в смысле середка. Одно его желание сесть в тюрьму вместо друга о многом говорит. Ну да ладно, будем надеяться, еще раз... повезет.

Повезло ему буквально через день. Удалось подметить, как рыжеволосый паренек ловко подрезает кошель у какого-то иноземного купчины. Нежно взяв его руку на излом и ласково отведя в домик подле княжеского терема, вновь перешедший во владение побратимов, Сангре приступил к воспитательной работе, мрачно заявив:

– Ну что, крепись, сын порока и дитя греха. Тебе таки придется пройти через мои добрые отеческие руки, а они аж чешутся от неумного желания отколупать вот этими клещами часть веснушек с твоей морды лица. Это для начала, а далее...

Говорил он недолго, но весьма красочно, закончив многозначительно:

– Трудно сказать, выживешь ли ты. Вот мой сердечный друг Локис в этом сомневается. Поэтому предлагаю вспомнить за маму и немножко пожалеть себя.

Касатик, как звали паренька, глубоко осознал греховность своей прошлой жизни уже в середине суровой и многообещающей речи. Половины слов он, правда, не понял, но хватило и второй, чтобы догадаться: остальное, скорее всего, еще страшнее. А уж демонстрация добродушно ухмыляющегося литвина с засученными рукавами добила его окончательно.

Судя по тому, какие клятвы давал Касатик, зарекаясь больше никогда, нигде и ни единой чужой куны не брать, юноше можно было верить. И Сангре не ошибся в выводах. Более

того, на следующий день бывший вор, заручившись обещанием Петра простить былые грехи, привел к нему своего напарника. Звали его Блестец. Он был постарше, лет двадцати пяти, и изображал жертву. Устроив крик посреди торжища и громко сетуя на татей, он начинал жаловаться собравшимся подле него зевакам, что лишился всех денег, демонстрируя подрезанный пояс, в котором якобы хранились последние три гривны. Разумеется, одним из зевак был ловко орудовавший Касатик.

В прошлом оба они бродили с ватагой скоморохов. Года три назад заболели. Симптомы напоминали моровую болезнь, бушевавшую в тех краях, а потому перепуганные скоморохи бросили их помирать близ какой-то деревни. Выжили оба случайно, благодаря оказавшейся неподалеку сердобольной женщине Мальге, подобравшей их. Однако спустя пару месяцев та внезапно погибла, провалившись в полынью.

– А на что мне и ему жить? – сокрушенно вздыхал бывший скоморох. – Так мало того, у Мальги самой двое мальцов осталось, а их тоже надо как-то кормить.

Последнее окончательно подкупило Петра, выяснившего, что время от времени Касатик действительно относил часть украденных гривен в одну из деревенок поблизости, куда удалось пристроить мальцов.

Работала парочка аккуратно, постоянно меняя торжища – не дело, когда тебя якобы обворовывают каждый день на одном и том же торжище, а на днях вообще собирались сменить Тверь, где изрядно примелькались, на Торжок. Потому-то Касатик, стремясь напоследок собрать побольше серебра, дабы обеспечить сирот впрок, вопреки обыкновению попытался сработать в одиночку.

К концу недели в дружине прибавилось еще восемь человек. Половина из них совсем недавно входила в десяток Рубца, но как совершенно точно установил Улан, была непричастна к его темным делишкам. А один из них, по имени Обруч – угрюмый молчаливый мужик лет тридцати, догадавшись, чем занят его начальник, и вовсе собирался на днях пасть в ноги князю да покаяться. Он даже с женой своей советовался о том. Смущало супружескую чету одно – вдруг Михаил Ярославич повелит и самого Обруча в поруб сунуть. Тогда семья осталась бы без кормильца, да от соседей позор.

– Я-то ладно, – вздыхал Обруч, – но ить пятно и на детишков моих легло бы – поди отмойся.

На всякий случай Улан заглянул к его жене – круглолицей Басёне, потолковал о муже и аккуратно выяснил, что Обруч и впрямь не врет – советовался с нею, как ему быть.

Ну а еще троим из числа молодых – Самоцвету, Рыскуну и коренастому Боровику – Рубец, пользуясь их молодостью и неопытностью, мастерски морочил головы, заставляя работать на него «втемную». То есть они честно старались ловить воров, но когда удавалось их поймать и отвести к Рубцу, тот их под разными предлогами отпускал. Разумеется, не бесплатно. А кое-кого он и вовсе запрещал задерживать – мол, они работают на него и негласно сдают своих подельников. Сами же занимаются неблагоприятными делами исключительно из-за необходимости отвести от себя подозрения.

Кроме бывших стражников, так сказать, вторично взятых на службу, к Сангре потянулись и другие люди, слышав о том, что при приеме в новую дружину не требуется ратного умения, но лишь крепкое здоровье и искреннее желание потрудиться во благо Тверского княжества и его торжищ. Первыми четверьма оказались сын кузнеца Железняк, отбившийся от скоморошеской ватаги гибкий худощавый Бальник, пастух Бичевик, и сын мельника Жерновец.

К концу следующей недели число потенциальных дружинников увеличилось вдвое, а подведя итог после третьей, Сангре удовлетворенно заметил Улану, что теперь у них целый взвод. Если же считать привезенных из Литвы – тогда и вовсе полусотня, то есть они работают с жутким опережением графика.

– Помнится, я в учебнике истории читал про лозунг сталинских времен: «Пятилетку за три года». А мы такими темпами ее вообще за год выполним.

И действительно, все это время, памятуя, что друг в скором времени покинет его, Сангре успевал заниматься не только «подбором кадров». Он находил время и чтобы вникнуть в составленные Уланом обязанности стражей порядка. Брал их Буланов не с потолка, но основываясь на рассказах того же Обруча. Разумеется, не забывая вносить и кое-что из своих собственных знаний о патрульно-постовой службе. По нынешним временам это все выглядело непривычно, но составлено было дельно, умно, а потому первоначальное согласование с Михаилом Ярославичем всякий раз проходило на ура.

– Ишь ты, – покачивал головой князь и... утверждал, распорядившись поставить свою малую печать.

Последнее, в смысле, печать на подобного рода документах, тоже было новшеством. Однако Буланов сумел доходчиво растолковать важность и необходимость наглядного княжеского подтверждения. Мол, изустное слово – замечательно, но случись князю отлучиться надолго и кое-кто может не поверить, что он действительно одобрил право дружины следить за порядком на торжищах. Что за «кое-кто», Улан не пояснил, но князю и без того было ясно, что речь не о простых людях. А при наличии такого увесистого аргумента, как грамота с печатью, ни один из бояр при всем желании не сможет взбрыкнуть.

А в конце своих уговоров, подметив, что Михаил Ярославич весьма уважительно относится к латыни, пустил в ход и ее, процитировав: «*Verba volant, scripta manent*» – слова летучи, письма живучи.

Но дел все равно оставалось выше крыши, ведь предстояло подготовить письмо от имени князя Юрия, которое Улан должен был прихватить с собой. Здесь они тоже поделили обязанности – сам Улан вместе с Изабеллой занялся подготовкой текста, а Петр взял на себя добычу подлинных печатей московского князя. За образцами он обратился... к княжичу Дмитрию.

Разговор состоялся как обычно, то есть в баньке, куда тот непременно отправлялся сразу после занятий рукопашным боем. Вообще-то с такой просьбой следовало подойти к его отцу, но Дмитрий откровенно симпатизировал побратимам, преклоняясь перед их необычным мастерством рукопашного боя и искренне восхищаясь их обширными познаниями. Именно потому Сангре рассудил, что княжич охотнее пойдет ему навстречу. Особенно при наличии убедительных доводов – все-таки молодость куда гибче. А если напомнить про нешуточную опасность, грозящую его отцу, тем паче.

Так и случилось, хотя и не сразу, ибо Дмитрий, насторожившись, поначалу тоже посоветовал обратиться к его батюшке. Сангре замаялся, но решив, что была не была, честно ответил:

– Московский князь ныне стремится оклеветать Михаила Ярославича как только может и при этом не брезгует ничем. Поверь, сейчас на него столько в Орде наговорили, что у Узбека поди и уши опухли. А батюшка твой хоть и помнит народную поговорку, с волками жить – по-волчьи выть, но уж больно честью своей дорожит, потому отвечать Юрию точно такими наветами наотрез отказывается.

– Считаешь, он неправ? – посуровело лицо княжича.

– Да ни боже ж мой! Не мое дело – осуждать князя, которому я служу. Всяк сверчок знай свой шесток. И вообще, руководство всегда нужно ценить, любить и уважать, и тогда оно обязательно повернется к тебе когда-нибудь чем-нибудь. Потому-то я и подошел с этой просьбой к тебе, не желая его ни во что посвящать. Пускай он и дальше остается чистеньким, чтоб душой не терзаться. Но спасать-то его надо, верно? К тому же сам подумай – я ведь не прошу тебя принести мне его собственную печать, чтоб писать кому-нибудь, прикрываясь его именем. Вот такое было бы и впрямь ни в какие ворота. Но состряпать кое-что от имени его лютого врага позарез нужно, – и, чуть помолчав, он выдал последний и самый главный аргумент. –

Помнишь, я тебе еще во время нашей первой встречи в Липневке говорил, что мой побратим – ведун и предсказал победу тверичей за месяц до того, как она случилась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.